

ВОКРУГ СВЕТА

1927 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 2

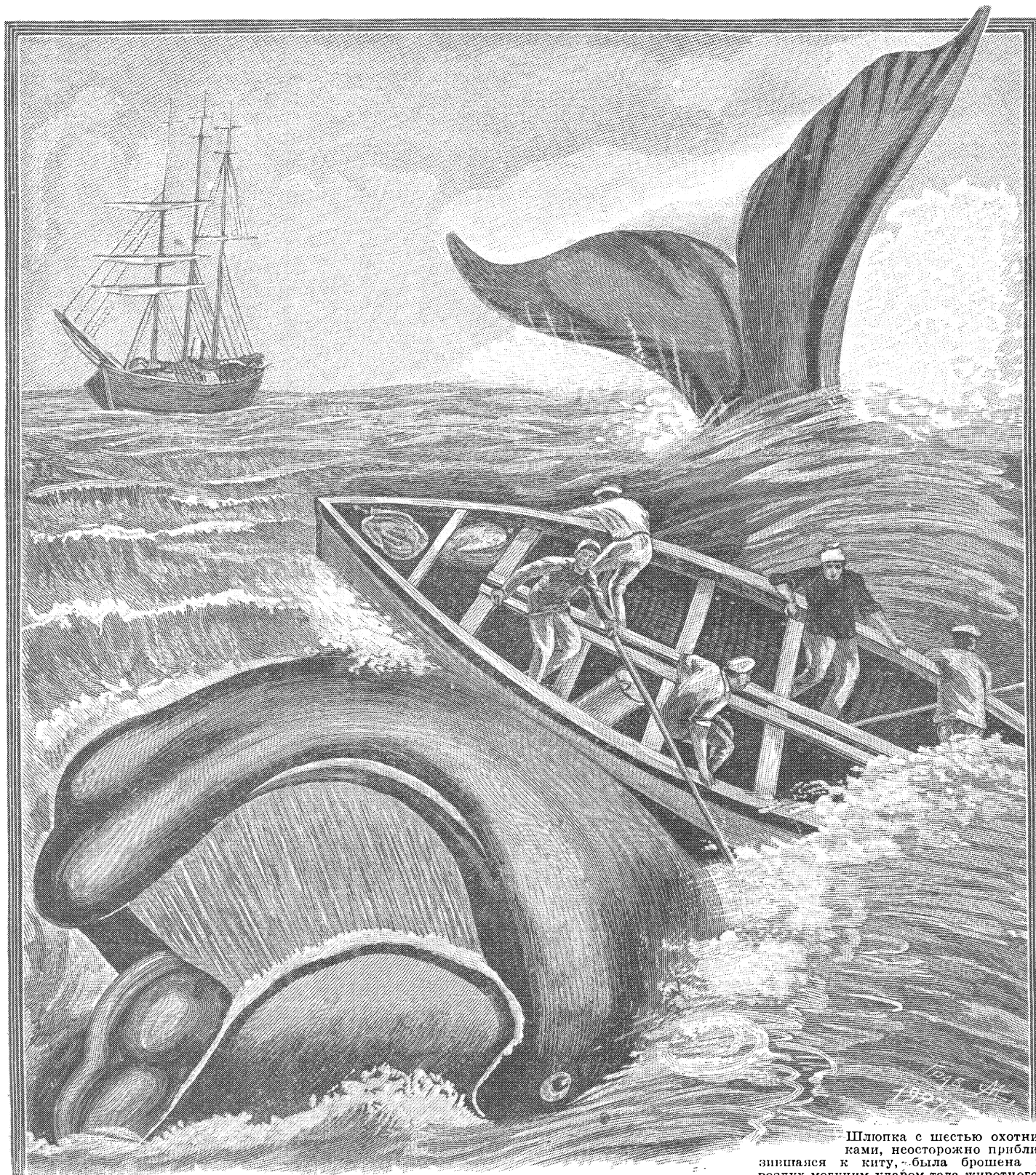
6 р. в год за ежем. журн. «Всемирный Следопыт» с прилож. 12 №№ «Вокруг Света», 12 вып. «Библиотеки» и 12 геогр. карт. Для год. подписч. (только непосредств. из Изд-ва) рассрочка: при подписке 3 р., к 1 мая 3 р.

Редакция и контора „Всемир. Следопыта“ и „Вокруг Света“: Москва, Кузнецк. Мост, 13
Подписка на журнал «Всемирный Следопыт» (только со всеми приложениями) принимается: в конторе журнала, в экспедиции (Москва, Софийка, Лубянский Пассаж, пом. 25—30) и во всех почтовых отделениях.

Объявления в «Вокруг Света» принимаются в конторе журнала (Кузнецкий Мост, 13) и в отделе распространения (Лубянский Пассаж, пом. 25—30, тел. 2-31-78) по 1 руб. за строку нонпарели позади текста.

СОДЕРЖАНИЕ: Мои приключения в полярных морях (к рис. на 1-й стр.). Автобиограф. рассказ А. Конан-Дойля. — В пустынях Монголии. Очерк Н. К. Лебедева. — Акула Картера. Юмористич. рассказ Р. Коннелль. — В заоблачной выси. Эпизод из жизни Менделеева. — Вокруг Европы. Очерк Г. Актан. — Над черной бездной. Рассказ-загадка А. Беляева. — Любимый спорт апачов. — Фауна марок. — Всемири. калейдоскоп.

3 р. 25 к. в пол-года с перес. и дост. за 6 №№ журн. «Всемир. Следопыт» со всеми прилож. Отдельно на журнал или прилож. подписка не приним. За границу подп. плата выше на 50 проц. За перемену адреса — 20 к.

Шлюпка с шестью охотниками, неосторожно приближавшаяся к киту, была брошена в воздух могучим ударом тела животного.

МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ПОЛЯРНЫХ МОРЯХ

Автобиографический рассказ Артура Конан-Дойля

(См. рис. на 1-й стр.)

Это было ранней весной 1880 г., в один из тех холодных пасмурных дней, какие часто бывают в Шотландии. Я сидел в своей маленькой комнате в Эдинбурге и усердно готовился к экзаменам. Я был студентом-медиком, и весной у меня должен был быть выпускной экзамен.

Погруженный в свои занятия, я вдруг услышал стук в дверь, и в комнату вошел один из моих друзей, также студент-медик, Карре.

— Артур, не хочешь ли отправиться через неделю в полярное море на китобойные промыслы?—спросил Карре.

Предложение было столь неожиданно, что я ничего не мог сообразить.

— На китобойные промыслы?.. В полярное море?.. — машинально повторил я.

— Ну, да,—ответил Карре.—Ты будешь получать жалованье—два фунта стерлингов в месяц в качестве судового врача,—и, кроме того, по два шиллинга с бочки добытого китового жира.

— Ничего не понимаю,—сказал я.—Почему я буду врачом на китобойном судне?

— Да очень просто,—ответил Карре.—Я заключил условие с капитаном одного китобойного судна, отправляющегося на будущей неделе на промыслы, но мои семейные обстоятельства не позволяют мне отправиться, и теперь я ищу себе заместителя. Я думаю, что для тебя это будет самым подходящим занятием.

— Но у меня нет ничего, что нужно для плавания по полярным морям,—пробовал, было, возразить я.— Кроме того, это так неожиданно, через несколько дней... Подожди, дай мне подумать.

— Ну, что же раздумывать, — настаивал Карре. — У меня все заготовлено для путешествия, и тебе ни о чем не нужно беспокоиться. Решайся, и пойдем сейчас на пароход, я познакомлю тебя с капитаном и представлю тебя, как своего заместителя.

После нескольких секунд колебания я согласился и, таким образом, перевел свою жизнь на новые рельсы.

***

Через неделю я был уже в Питерхэде и раскладывал свой багаж в ма-

ленькой каюте китобойного судна «Надежда». Через несколько дней мы отправились на север.

На нашем пароходике было 50 человек экипажа. Почти половина матросов были жители Шотландских островов. Все они отличались хлад-

Д-р Артур Конан-Дойль, популярный английский писатель.

нокровием, энергичным характером и выдержанностью. Народ был молодой и здоровый, так что мне, как врачу, работы не было никакой. Мои занятия свелись, в конце-концов, только к тому, чтобы проводить время вместе с капитаном и выслушивать рассказы о его плаваниях.

Мы отправились в море из Питерхэда 21 февраля 1880 г. Когда мы очутились в открытом море, ветер стал крепнуть, и вскоре разразилась буря. Корабельные снасти трещали и наш маленький пароходик бросало из стороны в сторону, как щепку.

К счастью, нам удалось добраться до Шотландских островов раньше, чем буря достигла своего предела. Мы укрылись в бухте Лервика, и там вынуждены были отсиживать до 11-го марта, пока не установилась хорошая погода.

11-го марта мы снова вышли в море и взяли курс на север. Что меня больше всего поражало с первого раза, это — сравнительная близость полярных морей от Англии. Нужно было всего несколько дней, чтобы попасть в область полярных льдов. Раньше я как-то не представлял себе, что это так близко: через четыре дня плавания от берегов Шотлан-

дии мы уже встретили на море плывущие льды.

Однажды рано утром я проснулся от сильного удара в борт парохода. Не понимая в чем дело, я быстро оделся и выбежал на палубу. Моим глазам представилась необычайная картина. Все море было покрыто плавающими льдинами. Ослепительная белизна льда резко выделялась на темной синеве моря. Прибавьте к этому светло-голубое небо, удивительную чистоту и прозрачность полярного воздуха и полнейшую тишину. Все это создавало незабываемую картину.

На одной из больших льдин, плавно покачиваемой волнами, я увидел огромного тюленя с блестящей кожей и большими глазами. Тюлень невозмутимо смотрел на наш пароход и не испытывал, повидимому, никакого страха. Он как будто бы знал, что охота на тюленей начнется только через три недели.

Наконец, наступило 3-е апреля. Мы приступили к охоте. Охота за тюленями—не более жестокое дело, чем всякая другая охота. И все же огромные лужи красной крови на ослепительной белизне льда, под голубым сводом неба, казались мне дикими и ненужными.

***

До сих пор мне памятен мой первый день охоты. Он памятен мне еще потому, что я едва не погиб сам в волнах полярного моря.

Стоял ветреный день. На море были сильные волны. Капитан и часть матросов отправились в лодках на охоту. Я остался на пароходе, так как капитан не хотел взять меня с собой, как неопытного человека. Я возражал. Но капитан оставался при своем решении. Пришлось покориться.

В дурном расположении духа я уселся на борту парохода и спустил ноги вниз. Я наблюдал за удалявшейся лодкой. Вдруг корабль сильно накренился, и в одно мгновение я упал в море. Меня охватили холодные волны.

К счастью, я не растерялся. Я быстро вынырнул, ухватился за край плавающей льдины и кое-как выбрался из воды, а затем поднялся на борт парохода.

Этот случай имел для меня тот положительный результат, что капитан, видя, что я все равно принял мер-

скую ванну, согласился брать меня на охоту за тюленями.

На следующий же день я отправился на охоту, но и на этот раз мне не повезло и я снова упал в море. Увидев на краю большой льдины вдали большого тюленя, я решил его убить, и отстал от товарищей.

Когда я приблизился к тюленю, то животное, заметив меня, быстро поползло по льду к свободной воде. Я побежал по ровному льду. Добежав до края льдины, я выстрелил в тюленя, но тюлень нырнул и скрылся под водой. Вскоре его голова поднялась над водой около самой льдины, в нескольких десятках метров от меня. Я решил снова побежать по краю льдины туда, где был тюлень.

Вдруг я неожиданно поскользнулся и очутился в воде. Льдина была гладкая, и я тщетно хватался коченеющими руками за холодный лед. Я стал звать на помощь, но мои товарищи находились далеко от меня и я чуть-чуть видел их черные силуэты на льду.

Между тем, холод сковывал мои руки и ноги. Ледяная вода жгла меня, как огнем. Я с трудом удерживался руками за льдину, но выбраться на льдину не мог. Я чувствовал, что еще несколько минут, — мои руки ослабнут, и я погибну.

Собрав последние силы, я сделал попытку еще раз выбраться из воды. Я стал нащупывать ногами какие-нибудь выступы на льдине, и, к счастью, скоро моя правая нога попала в какое-то углубление. Найдя точку опоры, я напряг все усилия и поднялся на льдину.

Не веря своему спасению, я быстро поднялся и побежал по направлению к пароходу. Вся одежда на мне быстро оледенела и я был как бы в ледяных доспехах. Добежав до парохода, я не был в состоянии сам подняться на борт, и меня подняли товарищи на руках.

Я тотчас же отправился в машинное отделение; там, около котельной топки, мои ледяные доспехи быстро оттаяли, и я мог заменить их сухой одеждой. После этого я несколько дней был в жару и не мог уже принимать участие в охоте.

В мае месяце наш пароход подвинулся еще дальше на север, к берегам Гренландии, а в июне мы были уже на 80 градусах сев. широты. Здесь часто встречаются киты. Наш пароход медленно подвигался среди плювучих льдин, и капитан со своего мостика тщательно осматривал в бинокль горизонт.

Но нам не везло. Мы плавали около берегов Гренландии уже две недели, а не видели ни одного кита. Нако-

нец, однажды капитан усмотрел далеко на горизонте высокий фонтан поднимающейся воды. Это был кит.

Капитан отдал приказ готовить шлюпки. Вскоре он сам, я и восемь человек матросов были уже в шлюпке, и на веслах отправились по направлению к замеченному киту.

Мы все, кроме гарпунщика, сидели на веслах и усиленно гребли. Гарпунщик зорко всматривался вперед. Иногда он давал знак не работать веслами, чтобы не обратить внимания кита. К киту можно приблизиться только спереди. Его маленькие глазки, посаженные по бокам огромной головы, не могут видеть, что происходит впереди, — у самопо, можно сказать, носа.

Можно, конечно, под'ехать также и сзади, но кит, почуявший опасность, может ударом своего могучего хвоста или сразу потопить лодку, или залить ее.

Такой случай, по словам капитана, был в прошлое плавание. Шлюпка с шестью охотниками, неосторожно приблизившаяся к киту, была буквально брошена в воздух могучим ударом тела животного, и только сравнительная близость корабля спасла попадавших в воду матросов, кроме рулевого, оглушенного ударом и пошедшего без сознания ко дну.

Поэтому обычно китобой стараются приблизиться к киту с головы, между глаз, и, подойдя к нему на довольно близкое расстояние, бросают в него острый гарпун.

Мы сидели молча, держа наготове весла и не спуская глаз с гарпун-

щика. Вдруг его глаза засверкали, лицо оживилось, и он громко крикнул:

— Вперед ребята! Гребите сильнее!

Мы налегли на весла. Лодка дрогнула. Раздался выстрел маленькой пушки, к которой был прикреплен гарпун, и стальная тяжелая стрела прорезала воздух. Вслед за этим быстро-быстро зашевелился сложенный петлями на дне лодки канат, к которому был привязан гарпун. Канат стал уходить за борт в воду.

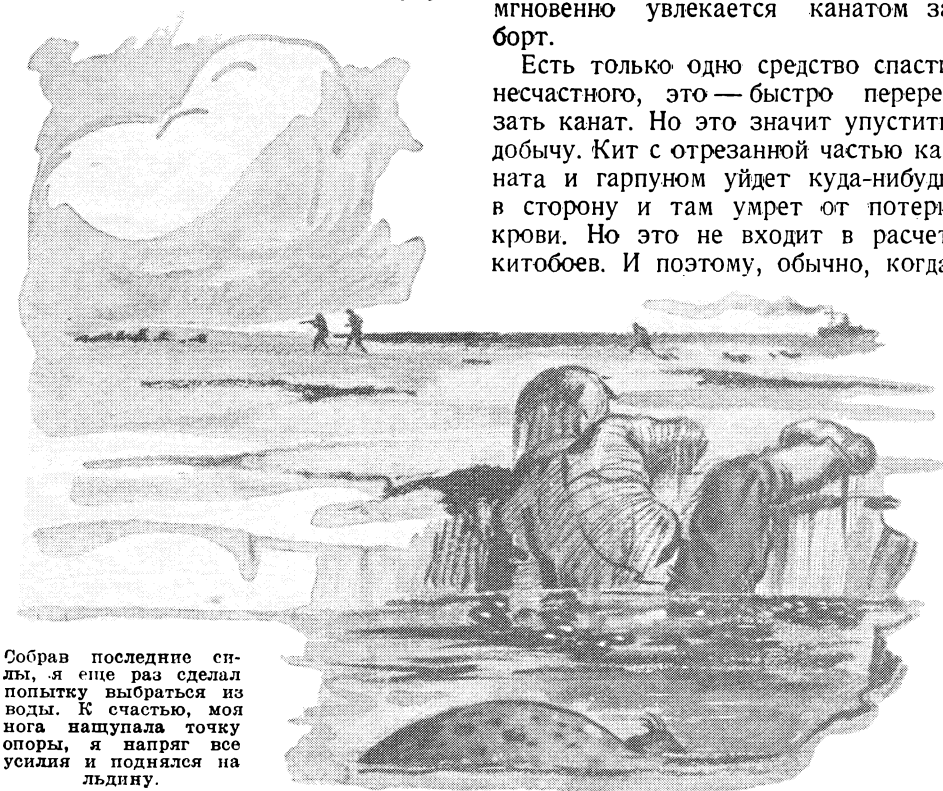
Мы стали повертывать лодку в обратную сторону. От'ехав на некоторое расстояние, остановились.

Только теперь мы могли посмотреть, что делается впереди. Перед нами расстилалась гладкая поверхность моря. Никакого кита не было видно. Только в нескольких десятках метров от шлюпки на море виднелось небольшое красное пятно, все более и более расплывавшееся. Это была кровь. Она показывала, что стальной гарпун глубоко вонзился в кита, пробил толстый слой подкожного жира, и раненое животное нырнуло в воду.

Между тем, канат со свистом продолжал развертываться на дне лодки, скользил между наших ног и уходил за борт, словно увлекаемый какой-то невидимой машиной. Кит с гарпуном в теле опускался все глубже и, в то же время, уходил дальше от нашей лодки.

Развертывание каната представляет большую опасность. Иногда в петлю каната попадает нога неловко ступившего матроса, и человек мгновенно увлекается канатом за борт.

Есть только одно средство спасти несчастного, это — быстро перерезать канат. Но это значит упустить добычу. Кит с отрезанной частью каната и гарпуном уйдет куда-нибудь в сторону и там умрет от потери крови. Но это не входит в расчет китобоев. И поэтому, обычно, когда

Собрав последние силы, я еще раз сделал попытку выбраться из воды. К счастью, моя нога нащупала точку опоры, я напряг все усилия и поднялся на льдину.

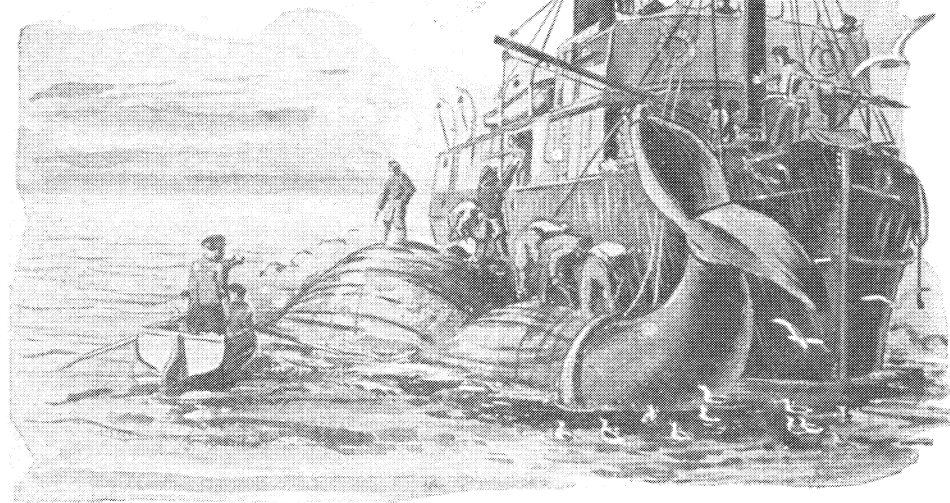

случается такое несчастье и кто-нибудь из товарищей гибнущего в порыве сострадания быстро выхватывает из кармана свой нож и хочет перерезать канат, гарпунщик грубо кричит:

— Оставь! Для вдовы будет рыба!

Жестокое слово! Но жизнь и охота в полярных морях делает человека бессердечным...

Мы все с сильно бьющимися сердцами продолжали смотреть на расплывающееся пятно крови. Канат развевывался все медленнее и медленнее. Наконец, над водой показалась темная спина кита. Он обессилел от по-

Мы подтащили кита на канате, как на буксире, к пароходу, и вскоре наши матросы уже таскали на судно целые пласты китового жира.

тери крови, но в нем еще достаточно силы, чтобы утопить нашу лодку. Но киты очень редко переходят в нападение.

Через несколько секунд кит снова погрузился в воду, но затем опять поднялся. Он пробовал ударить по воде своим хвостом, но, видимо, силы его уже оставляли, и через несколько минут огромная туша кита уже была безжизненна, и тихо покачивалась на воде.

Мы потащили кита на канате, как на буксире, к пароходу, и вскоре наши матросы таскали на пароход целые пласты китового жира.

За весь промысловый сезон мы убили четырех китов, несколько сот моржей и пяток белых медведей.

***

Плавание в полярных морях, помимо острых ощущений на охоте, дает множество других переживаний. Прежде всего, вас поражает сплошной день без конца. С апреля месяца

около берегов Гренландии солнце лишь едва касается края горизонта, чтобы снова подняться. Оно описывает на небе полный круг. В конце концов невольно сбиваешься в счете времени.

Обычное распределение суток нарушается. И часто на корабле завытракают ночью, а ужинают в десять часов утра.

Через несколько недель глаза начинают утомляться от этого постоянного света, и тогда только начинаешь ценить мягкую прелесть сумерек.

Странное, давящее чувство испытываешь здесь: ты — одинок, даже среди многих товарищей, которые, как и ты, оторваны от земли, от миллионов других людей, оставшихся где-то там, в полных жизни горо-

дах и деревнях далекого, большого мира... Когда мы охотились за китами, мы не видели несколько месяцев ни одного судна и в течение полугода не знали, что творится на свете.

Плавая по пустынным просторам полярных морей, пробираясь в лабиринте ледяных гор и обширных плавающих ледяных полей, — встречаешь среди пустынных ледяных просторов лишь бесчисленных морских птиц — чаек, гагар, каиров, буревестников и десятки других, которые огромными стаями с шумом перелетают с льдины на льдину.

Нередко вы можете видеть на льдинах медленно пробирающихся белых медведей, охотящихся на моржей и тюленей. Белые медведи в поисках тюленей иногда проходят сотни километров. Мне приходилось наблюдать очень остроумный способ охоты медведей на тюленей.

Медведь отыскивает на льдине большую полыню, усаживается около нее и терпеливо ожидает, когда в воде появится голова тюленя, высунившаяся из воды, чтобы подышать воздухом.

Медведь замечает место, где поднимается голова тюленя, осторожно подходит к этому месту и снова застыивает в ожидании. Как только над водой вновь покажется тюленья голова, медведь ловко обхватывает своими лапами и вытаскивает тюленя на лед, где и пожирает добычу.

Полгода, проведенные мною в полярном море, оставили на мне неизгладимый след. Я прожил эти полгода словно в какой-то зачарованной стране, как будто во сне.

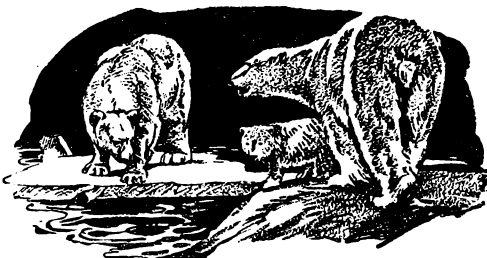
Я уехал в эту необычайную страну неопытным юношей, неуверенным в себе, а вернулся закаленным взрослым человеком, привыкшим к опасностям и суровому образу жизни.

Чистый бодрящий полярный воздух влил в меня новые силы, и я думаю, что значительную долю той энергии, которой я обладаю, я получил именно в моем первом плавании на север.

Вместе с здоровьем, я привез на родину и довольно значительную сумму денег — всего около 50 фунтов стерл. (ок. 500 руб.), что для меня составляло целое богатство.

Вернувшись осенью 1880 года в родной Эдинбург, я с жаром принялся за свои медицинские науки, без особого труда выдержал весной 1881 г. выпускной экзамен и получил звание лекаря.

Так я начал свою житейскую карьеру.

Три года в пустынях Монголии

Очерк Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова

Родина монголов. — Прошлое Монголии. — Загадки пустыни. — Мертвые города. — «Письмена теплых скал». — Сокровища Хара-Хото. — Первая в мире карта пустыни Гоби. — Научное и общественно-политическое значение экспедиции Козлова.

Далеко за Восточной Сибирью, между СССР и Китаем, лежит обширная страна—Монголия. Эта страна, превосходящая по своим размерам многие европейские государства, состоит частью из горных областей (Хангай, Кентэй, Монгольский Алтай), а частью из обширных песчаных и каменистых пустынь.

Монголия—одна из наиболее редко населенных стран Азии, а между тем некогда она была цветущей областью с многочисленными реками, озерами и с роскошной растительностью. Монголия является родиной многочисленных племен монгольской расы.

В течение долгих веков из недр Монголии племена монголов, как потоки воды, разливались во все стороны: на восток (в равнины Китая), на запад (в степи Западной Сибири, на берега нижней и средней Волги), на север (в лесные дебри Восточной Сибири) и на юг (в пустыни Тибета).

Европейская история хранит воспоминания о страшных нашествиях монгольских племен—гуннов, татар и др. Бесчисленные монгольские племена заливали равнины и степи теперешнего СССР, и, как воспоминание о былых нашествиях монголов, теперь имеется целый ряд народностей монгольского происхождения, живущих в пределах СССР.

В наше время Монголия почти безлюдна. Страна как будто утратила свои творческие силы. Она иссыкла, как иссыкает река, отдавшая слишком много воды. Значительная часть современной Монголии представляет пустыню.

Возможно, что причиной превращения Монголии в пустыню является изменение климатических условий и общее высыхание Азиатского материка. Но, каковы бы ни были причины превращения Монголии в пу-

стыню, современная Монголия полна загадок. Загадки здесь на каждом шагу, в каждой песчаной долине, где прячутся красные саламандры.

Монголия хранит не только исторические загадки, но и геологические; здесь встречаются следы и остатки глубоких доисторических эпох, и не даром за последние годы в Монголию было снаряжено несколько научных экспедиций. Американская экспедиция Эндрюса, исследовавшая пустыню Гоби, нашла здесь многочисленные остатки древнейших животных—динозавров, носорогов, оленей, гиен и т. д. В песках пустыни были найдены огромные окаменевшие яйца динозавров, длиной до 30 сантиметров. В некоторых из них нашли окаменевшие зародыши маленьких динозавров и их скелеты.

Но в то время, как на долю американской экспедиции Эндрюса выпала честь открытия палеонтологических остатков,—советской экспедиции П. К. Козлова¹⁾ удалось обо-

гатить науку, главным образом, археологическими, зоологическими, ботаническими и антропологическими открытиями.

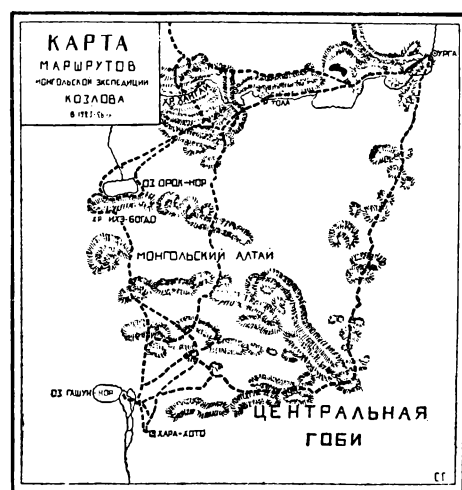
Экспедиция Козлова открыла в Монголии такие памятники старины, о которых совершенно не было ничего известно до сих пор. Она впервые проникла в неисследованные части великой монгольской пустыни Гоби; она пересекла всю Монголию и пустыню Гоби в трех, совершенно неизвестных до сих пор, направлениях, и исследовала район площадью свыше 150.000 кв. километров.

В северной Монголии, в долинах Кентэя и Хангая, экспедиции удалось открыть несколько древних могильников. В могильных курганах были найдены богатые древние ткани, ковры, разнотелые сосуды и т. п. Весьма интересен, напр., рисунок, изображающий всадников на конях, вытканый на одном из найденных в могилах ковров. Рисунки и узоры на тканях и коврах поражают своей тонкой работой, и на многих рисунках видно греческое влияние.

В могильных курганах найдено также и много других предметов, которые ясно доказывают, что Монголия в древности находилась в торговых сношениях, с одной стороны, с Грецией и Римом, т. е. с Европой, а с другой стороны—с Китаем.

В древности в Монголии было много цветущих городов, но большинство этих городов в настоящее время или занесено песками или разрушено до основания временем. Козлову посчастливилось открыть в горах Хангая развалины одного древнейшего города, который, судя по сохранившимся на каменных плитах надписям, назывался Шуа-Уй-Чежен и был построен более семисот лет назад Хубилай-ханом, родственным Чингиз-хану и Батые (завоевателей XIII века).

¹⁾ Краткие сведения об экспедиции Козлова и биографические сведения о нем были помещены в № 12 «Всемирного Следопыта» за 1926 г.

В одной из долин Монголии Козлов открыл большие черные скалы, испещренные непонятными надписями. Кочевники-монголы называют это место «Письменами теплых скал». По преданию, здесь жил когда-то очень многочисленный народ, и он увековечил свою историю на темных скалах.

Много таких надписей разбросано на каменных утесах Монгольских гор. И почти все они еще не расшифрованы. Окутаны тайной и открытые Козловым в горах Хангая усыпальницы древних монгольских ханов. Часто усыпальницы эти сооружены на вершинах неприступных гор.

Вот, например, неприступный скалистый отрог в Ашыгет-Холо. Туда можно пробраться только с большим риском, цепляясь по каменным утесам. На вершине этой горы—огромная гробница. По своим размерам и великолепию отделки она не уступает знаменитой усыпальнице Чингиз-хана в Туркестане.

Монголы просили Козлова не трогать этой усыпальницы. Они чтут ее, как святыню. Уступая просьбам монголов, Козлов не тронул ее.

В дебрях высокого Хангая экспедиция то-и-дело натывалась на гранитные изваяния людей и животных. В одном месте были найдены две женских фигуры из белого и черного камня; «белая старуха» и «злая старуха»—так зовут эти статуи кочевники-монголы.

По верованиям монголов, белая—добрая—старуха охраняет людей и животных от чар черной—злой—старухи, которая на них насылает болезни. Поэтому, когда Козлов намеревался взять с собой эти статуи, то монголы энергично протестовали против увоза доброй «белой старухи» и охотно уступили Козлову только «черную бабу». Теперь эта «злая старуха», темная и наспуленная, угрюмо сидит в углу большой залы Географического общества в Ленинграде, где устроена выставка экспедиции.

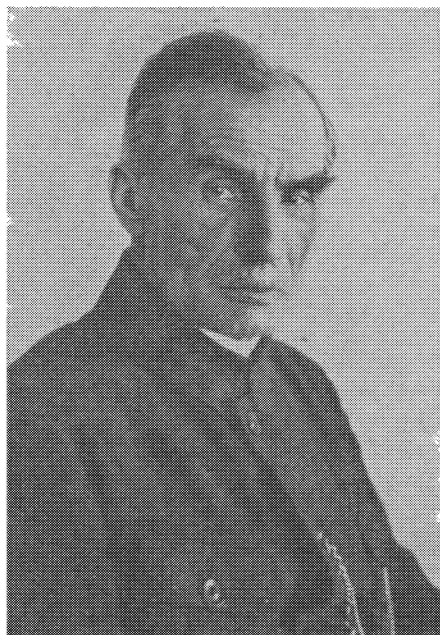
Но все эти открытия, несмотря на их научную и историческую ценность, не удовлетворили Козлова. Его заветной целью был далекий мертвый, занесенный песками, загадочный город Хара-Хото, который Козлов открыл еще в 1908 году. Хара-Хото расположен на юге Монголии, в центре великой пустыни Гоби.

Туда, в эти безводные песчаные пустыни, стремился путешественник. Там, семнадцать лет назад, он нашел сокровища необычайной ценности. Ему удалось в сухих песках пустыни, в полуразрушенных зданиях

мертвого города, найти целую библиотеку из 2.000 томов древних рукописей и свитков. Он нашел также до 300 древнейших картин на шелку, множество статуй, предметов обихода и т. д.

В 1924 году Совет Народных Комиссаров ассигновал необходимые средства для снаряжения экспедиции. Но, по создавшимся обстоятельствам, Козлову и его спутникам удалось достигнуть Хара-Хото лишь весной 1926 года.

Пески еще более засыпали «мертвый город». Пустыня как бы ревниво оберегала свои тайны и не хотела разоблачать их перед пришельцами. На этот раз Хара-Хото подарил Козлову лишь несколько статуэток

Известный русский путешественник
П. К. Козлов.

Будды, много предметов домашнего обихода и т. п. Удалось также найти чрезвычайно интересные древние сельскохозяйственные орудия, напоминающие собой русскую соху.

Попутно с археологическими и географическими исследованиями экспедиция вела и этнографические наблюдения, а также ботанические и зоологические исследования. Об этих последних красноречиво говорят предметы, выставленные в настоящее время в залах Географического общества в Ленинграде.

В общем, экспедиция Козлова вывезла из Монголии свыше 3.000 различных экспонатов, в том числе около 500 образцов различных растений, 750 образцов горных пород и свыше 1.800 чучел монгольских птиц.

Между прочим, в скалистых утесах реки Орхона Козлову удалось

открыть неизвестную до сих пор породу «диких кошек». Этих животных монголы называют «мануя». Питаясь мелкими грызунами, дикая кошка ведет очень скрытный образ жизни и умело прячется среди камней.

Экспедиция за три года пребывания в Монголии испытала много трудностей и лишений. Путешественникам приходилось сильно страдать зимой от страшных холодов, а летом от палящего зноя.

Зимой в Монголии холода доходят до—60° Ц.: во время зимовок в монгольских юртах стоял такой холод, что у путешественников волосы нередко примерзали к подушке, а одежда покрывалась за ночь густым инеем.

Летом, наоборот, путешественники страдали от жары. Жара в Монголии доходит до 70°. От раскаленных песков и камней путешественников спасали только толстые подметки охотничьих сапог.

Один из участников экспедиции, рискнувший в такую жару пробежать к ключу за водой в обычных башмаках, мог только добраться до ключа, но добытого ведра воды он не донес до лагеря: она пошла на примочку моментально появившихся на ногах волдырей,—так горячий песок обжег его ноги.

Особенно много трудностей выпало на долю второго отряда экспедиции, бывшего под руководством географа Глаголева. Отряд Глаголева пробыл в пустыне свыше полутора лет. Не имея первое время проводников, отряд заблудился и едва не погиб от недостатка воды. Он оставался без воды в течение целых трех суток, и только случайно путешественникам удалось затем найти небольшой ключ, полужансенный песками, и утолить свою жажду.

Благодаря произведенным исследованиям экспедиция составила перзую в мире верную карту центральной части пустыни Гоби и установила неправильности нанесения пунктов и дорог пустыни на современных картах.

При пересечении пустыни Гоби отряд Глаголева открыл историческую дорогу, по которой еще в XII веке владетельный хан Хара-Хото водил караваны из Монголии в Пекин. Повидимому, эта дорога была устроена на искусственно возведенных валах для защиты от песков. Сейчас эта дорога почти вся засыпана песками.

При прохождении пустыни экспедиция произвела геологическую разведку и исследовала природные бо-

гатства Монголии. В Монгольских горах были обнаружены различные породы редких минералов.

В этнографическом отношении экспедиция собрала очень много материалов из жизни различных племен, встреченных на пути. Собраны сказки, предания монголов, изучены их быт и нравы. Все это даст возможность более подробно изучить современную Монголию, и, в то же время, археологические находки экспедиции помогут осветить многие вопросы древнейшей истории.

Но, помимо огромной научной ценности, экспедиция П. К. Козлова имеет для нас и чисто практическое значение: она укрепила дружественные связи между СССР и Монголией и установила тесное культурное общение между народами нашего Союза и молодой монгольской республики. Нужно думать, что это культурное достижение упрочится, и выльется в дальнейшем в еще более тесное единение обоих государств.

Н. Лебедев.

Акула Картера

Юмористический рассказ Р. Коннелль

Я бы не назвал Картера лгуном. Если человеку нравится рассказывать невероятные истории, — пусть рассказывает. Почему не послушать? В сущности, он хороший человек, и его маленькие слабости никому не мешают. При этом он ничуть не обижается, если ему не верят.

Полная противоположность ему — Притчард. У него нет ни малейшего чувства юмора, и все он принимает всерьез.

Я любил их обоих и познакомил в надежде, что они подружатся. Но дела сразу же пошли плохо. Картер, конечно, воспользовался случаем начать один из своих диковинных рассказов. Мы пили портвейн, классический напиток рассказчиков. Картер рассказывал, а Притчард, склонив голову, внимательно слушал, изредка скептически вставляя:

— О! Неужели?... Странно... гм... Неужели это с вами было?

А Картер несся на всех парусах: — ... Выплыв на поверхность, я увидел, что ношусь совершенно один по необъятному простору океана. Ни человека ни щепки не осталось от погибшего китобойного судна «Лэди Кэт»...

— Я что-то не помню сообщений о гибели «Лэди Кэт», — задумчиво заметил Притчард. — Но, разумеется, не могу же я уследить за всеми крушениями, — добавил он, точно в свое оправдание.

— Это было пять лет назад, — утешил его Картер. — Ну-с, итак, я был одинок. Но так казалось мне лишь с первого взгляда... На вершине огромной волны появился длинный ящик с гарпунами; я его заметил, когда он еще лежал на палубе. Он плыл так близко, что я мог коснуться его рукой. Вы должны принять во внимание, что это была единственная вещь, — кроме меня, —

спасшаяся с погибшего корабля. Понимаете, отплыви я немного в сторону, я не встретил бы ящика; отплыви ящик немного в сторону — он не встретил бы меня. Но, к общему нашему благополучию, мы оба встретились. Это удивительно редкий случай, прямо-таки поразительная удача.

— Думаю, что у вас не было времени долго размышлять на эту тему, — возразил Притчард.

— Я быстро вскарабкался на ящик, — поспешно продолжал Картер. — К счастью, он был достаточно высок, и вода не достигала крышки, так что утонуть я не боялся. Ящик был солидный, дубовый, метра два длиной, и полтора — шириной и, как я позже обнаружил, так плотно сколочен, что не пропускал воды. Но все же мое положение было безотраднo. Ураган, о котором я уже говорил, отогнал китобойное судно на сотни миль от всех известных водных путей, и вот я очутился среди наиболее пустынной части Тихого океана без пищи, без воды, на несчастном ящике, игрушке волн.

— Но вы же говорили, что привыкли к таким вещам...

— Знаете ли, я сомневаюсь, чтобы к таким вещам можно было привыкнуть! — огрызнулся Картер. — Ну-с, пока я обдумывал свое бедственное положение, вода вокруг меня сильно взволновалась, и, к моему ужасу, я увидел, что прямо на меня плывет акула невероятных размеров, — самая большая из всех, что мне приходилось видеть. А я на своем веку видел гигантских акул... Она взглянула на меня и ядовито усмехнулась, — честное слово, это не плод моего воображения! — и, повернувшись, поплыла рядом с моим ящиком, продолжая улыбаться. В одну секунду я понял ее замыслы.

Коварное животное задумало ударом хвоста сбросить меня в море и там спокойненько, с чувством, с толком, слопать.

— Понимаю, понимаю, — улыбаясь, закивал Притчард. — Я читал об одной ново-зеландской акуле, которая известна всем морякам. Она встречает все корабли и дружески приветствует их. Это очень обыкновенный случай. А то есть еще дельфины и кашалоты, которые...

— Это не была та акула, — сердито прервал его рассказчик. — Она вовсе не собиралась дружески приветствовать меня. Во всяком случае, в ее размахивании хвостом ничего дружелюбного не было. Итак, я внимательно следил за ней и, как только ее хвост показался над водой, я быстро подпрыгнул вертикально вверх. Ее хвост со свистом мазнул поперек крышки ящика, шлепнулся в воду, а я после прыжка вернулся на прежнее место. Акула недоуменно посмотрела на свой хвост, потом на меня. На ее морде было написано удивление. Но она собралась с духом и повторила маневр.

Я хорошо умею прыгать. Дома я всегда по утрам прыгаю десять минут перед завтраком: это прекрасная гимнастика. Словом, я был подготовлен к такого рода акулиным забавам. Так мы и забавлялись некоторое время: акула ударяла хвостом в чайный сбить меня в море, а я под-

Как только хвост акулы показался над водой, я быстро подпрыгнул. Хвост мазнул поперек крышки ящика, а я после прыжка вернулся на место.

прыгивал как раз в то время, когда ее хвост со свистом проносился над ящиком. Моя роль была не трудна; требовалось лишь внимательно следить за движениями хвоста и вовремя прыгать.

Через некоторое время акуле надоело это явно бесполезное занятие, она легла в дрейф и задумалась. Потом она возобновила атаки. Теперь она решила сбить меня ударом носа. Я понял, что тут прыжками не отвертеться. Как высоко ни

прыгай, все равно она ударит носом. Поэтому, как только она ударила носом в ящик, я быстро соскользнул в воду по другую сторону моего плота. Ее нос с силой ударил в крышку и один из запоров лопнул, крепко ударив меня в бок. Акула очень удивилась сперва, потом увидела меня по ту сторону ящика и сделала круг, чтобы поймать меня.

К моему счастью, она была очень велика и не могла быстро поворачиваться; мне удалось вскарабкаться на ящик и опуститься по другую сторону. Она повторила свой маневр, а я свой, потом еще раз,—и всякий раз между нами был прочный ящик.

Так мы играли некоторое время в прятки. Я опасался, что акула догадается нырнуть под ящик, но она не догадалась. Вообще, я не высокого мнения об акульей сообразитель-

ности. Но все же обилие впечатлений дня и непрерывное перелезание через ящик стало меня утомлять. Второй запор ящика еле держался. Я быстро сорвал его, открыл крышку, юркнул в ящик и плотно закрылся.

Акула, видя, что ее перехитрили, начала свирепеть и, очертя голову, стала биться об ящик безо всякой системы и плана. Ящик трещал и колыхался, но я крепко держал крышку и сохранял равновесие.

Я покоился на жестком ложе из гарпунов и веревок, и дрожь пробегала по мне при каждом ударе, сотрясавшем ящик. Я ломал голову, долго ли выдержит ящик страшные удары разъяренного хищника? Прежде акула была глупо, анархически, как попало, но теперь она решила вести атаку организованно: она от-

плавала и ударялась с разбега в кряхтящие доски. Увидев, что при таких

Я правил акулой, как лошадью, а боль от пары гарпунов заставляла моего скакуна нестись во всю мочь.

обстоятельствах ящик разлетится после четвертого-пятого удара, я выбрал один гарпун, точно рассчитал момент, вынырнул из-под крышки и...

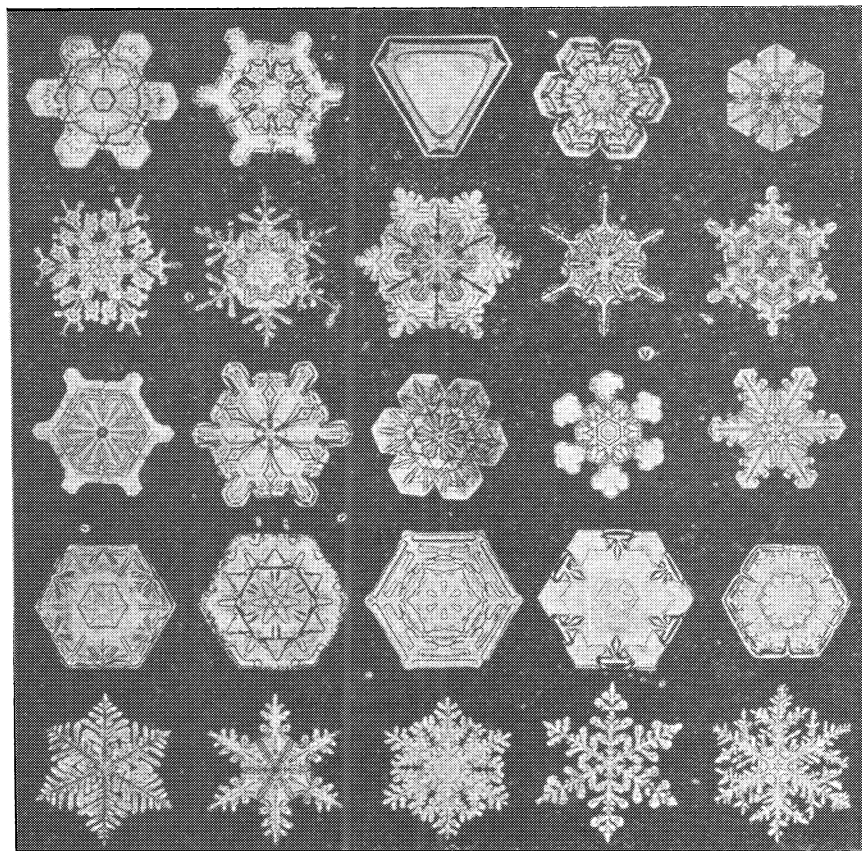
— Понимаю, понимаю, — ласково прервал его Притчард. — Вы ее ударили гарпуном. Продолжайте. Меня очень интересует ваша история, только в ней слишком много скучных, обыденных деталей.

— Обыкновенных?! Впрочем, да... Я думаю, что никогда в жизни эта акула не испытывала большего удивления. Она припустилась галопом, но, прежде чем она успела далеко отплыть, я успел привязать веревку к гарпуну, а другой конец прикрепить к крышке. Я вовсе не хотел быть очень близко к рыбе, но было жалко и расставаться с нею; откровенно сказать, я как-то свылся с нею и даже немного подружился. Акула попробовала нырнуть; но ящик играл роль поплавка, — удержал ее и вытянул на поверхность.

Тогда мы хорошей рысью помчались по волнам. К сожалению, я не мог управлять акулой. Гарпун прочно сидел у нее в плече справа от спинного хребта, и я заметил, что, если потянуть веревку, акула судорожно поводила хвостом вправо. Не знаю, был ли это бессознательный рефлекс или результат раздражения, — знаете, как лошадь отмахивается хвостом от мух.

Итак, акула на воже рулила все время вправо, и мы носились большими крутами. При таких условиях мы были осуждены мотаться среди океана неопределенное время, без надежды увидеть берег.

Был только один выход, и я им воспользовался: выбрал второй гарпун и стал ожидать благоприятного положения. Чтобы иметь возможность управлять акулой, я должен

Кристаллы снега

Изображенные здесь, крайне разнообразные, формы снежинок являются не зарисовками, а фотографическими снимками американца Бентлей, начавшего заниматься фотографированием снежных кристаллов со школьной скамьи.

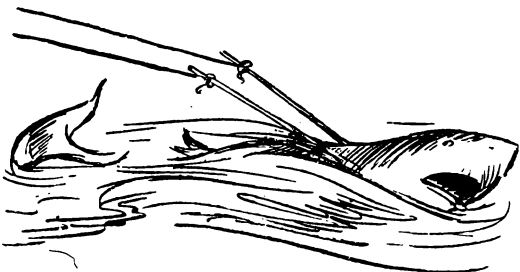
Для того, чтобы выбрать среди массы падающих снежинок действительно красивые экземпляры, Бентлей собирает небольшое количество падающего снега на черную доску, бегло просматривает снежинки в микроскоп с небольшим увеличением, отбирает наиболее любопытные и совершенные по форме и переносит их в помещение с температурой ниже нуля, где и находятся как раздвижная камера обычного типа, так и более сильный микроскоп (с увеличением, примерно, около 60 раз). Затем снежинки при помощи тонких деревянных заостренных палочек переносятся на предметное стекло, после чего и приступают к съемке.

Оказывается, что существуют места, особенно изобилующие красивыми и разнообразными формами снежинок. Кроме того, продолжительный опыт дал Бентлею возможность установить, что всего богаче разнообразие кристаллов — при снегопаде, сопровождаемом за и а д н ы м ветром. Свои наблюдения Бентлей подверг тщательной статистической обработке, благодаря которой была установлена зависимость форм кристаллов от метеорологических условий: от температуры, направления ветра, времени года, туманности и т. п.

был всадить ей гарпун слева от хребта на одной линии с первым. Трудная задача. Один шанс из ста. Я прицелился... и со всей силы метнул гарпун. Он вонзился точно в намеченную точку. Невероятная удача!

— Чепуха! — сказал Притчард. — Обыкновенное дело. Не в первый.

так во второй, в десятый раз, но попали бы. От этого зависела ваша жизнь. И никакой особенной удачи тут нет.

— Я же и говорю... — Картер немного растерялся. Он подозрительно посмотрел на невозмутимого Притчарда и не совсем уверенно продолжал:

— Теперь я мог править акулой, как лошадью, и направил ее прямо вперед, подергивая то за одну, то за другую вожжу, на что она неизменно рулила хвостом и послушно поворачивала. Боль от пары гарпунов заставляла моего скакуна нестись во всю мочь. Я бы чувствовал себя, как в моторной лодке, если бы только ящик был поудобнее.

Я ориентировался по солнцу, а когда оно зашло, — по звездам, и правил все прямо, зная, что это — единственный способ куда-нибудь приехать. И правда, в полдень на следующий день я увидел на горизонте очертания холмистого берега, и через какой-нибудь час акула подвезла меня к острову, — одному из самых прекрасных островов в мире. Удачное стечение обстоятельств: ящик, акула, гарпуны... Поразительный случай спасения от гибели! Как я потом высчитал, акула сделала больше тысячи миль в одни сутки.

— Вам повезло, — ответил Притчард. — В такой пустынной части Тихого океана вы могли бы проехать и 2.000 миль до ближайшего острова. Картер подозвал слугу.

— Три рюмки портвейна, — обескураженно пробормотал он.

Он выпил и, немного ободравшись, продолжал:

— На берегу меня встретили островитяне. И произвели меня в вожди.

— Ничего нет удивительного, — равнодушно сказал Притчард. — Вообразите простых неискушенных дикарей, к которым торжественно приезжает человек на акуле.

— Шесть рюмок портвейну! — заявил Картер. Он откинулся на спинку стула и забарабанил пальцами. Но через минуту в глазах его опять зажглось вдохновение.

— Я очень гуманный человек, — сказал он задумчиво. — А у дикарей были дурные привычки, привитые им жрецами. И в тот же день у меня вышел с жрецами конфликт. Можете себе представить, — конфликт окончился потасовкой, и я позорно бежал.

Я стремительно бросился к холмам, а за мной с воем и криками неслась целая толпа. Я бешено мчался, с трудом преодолевая крутые склоны холмов, а дикари неслись по пятам. Я чувствовал, как трещат мои легкие, и сердце наполовину пробило грудную клетку, бешено колюсь о ребра. Есть же предел

силам человеческим, и я его превзошел!.. Я упал мертвым.

У Притчарда отвисла челюсть.

— Э! — побледнел он. — Вы поворите... вы хотите сказать: упал за мертво?

— Ничего подобного. Мертвым, — твердо ответил Картер. — Я упал мертвым. Да... Через два дня мое истерзанное тело сварили и с'ели.

Притчард молчал. Затем вздохнул и позвал слугу:

— Бутылку портвейна, — слабым голосом сказал он.

Он повернулся ко мне, и в первый раз за весь вечер его лицо озарилось улыбкой.

— Мне нравится ваш друг Картер, — сказал он. — Это... это необыкновенный герой!

ВОКРУГ ЕВРОПЫ НА НЕМОРСКИХ СУДАХ

Очерк Г. Актан

В истории мореплавания не часто встречаются случаи, подобные необычайному переходу тринадцати портовых судов из Архангельска в Одессу. Эта блестящая по результатам операция — переброска судов из порта в порт, отстоящие друг от друга на десятки тысяч километров, — была вызвана следующими обстоятельствами.

Во время империалистической войны Архангельский порт, приняв на себя работу закрытых б. Петроградского, Либавского, Рижского и других русских портов, был хорошо снабжен необходимыми портовыми судами. После войны это оборудование стояло без дела. В то же время наши черноморские порты, сильно развернувшие работу при Советской власти, страдали от недостатка пловучих средств. Заказывать за границей и строить самим новые суда для черноморских портов по подсчетам оказалось слишком дорогим делом, и, как выход, была предложена такая необычайная переброска судов.

На неморских судах, — небольших ледоколах, замлечерпалке, землесосе, стонном подъемном кране и маленьких буксирах, — предстояло пройти Белое море, Ледовитый океан, Немецкое море, Атлантический океан, с необычайно бурным Бискайским заливом, Средиземное, Ионическое и Черное моря. И недаром перед отходом из Архангельска, собрав молодых моряков-добровольцев (многие старые моряки отказывались идти в этот поход), начальник каравана, кап. Гутерштрассер, говорил:

— Товарищи! Выходя из Архангельска, мы не знаем, придем ли мы все

целы и невредимы в Одессу. Пока не поздно, тот, кто не хочет рисковать, пусть откажется теперь же. Гарантировать сохранение жизни при всех имеющихся условиях мы не можем.

Молодые моряки, так же, как и опытные морские волки — руководители каравана, верили в успех похода, и их вера оправдалась.

Участники похода рассказывают, что иностранные суда, знавшие о походе каравана советских неморских судов через радио, завидев на горизонте наши

Маршрутная карта замечательного перехода каравана советских портовых судов.

«галюши», сворачивали с курса и подходили, чтобы посмотреть на диковинное зрелище — переход через моря и океаны «скорлупок».

Многими интересными моментами изобилует это путешествие.

Вот, например, каким остроумным способом суда каравана получили пресную воду на одном из островов Ледовитого океана.

На острове Кильдине нет рек. А пресная вода необходима. Как быть? Несмотря на лето, в лощинах оставался снег. Рассыпавшись по острову, моряки вскоре нашли место, где снег, тая, образовал небольшой ручеек, ниспадавший с уступа. Под ручеек поставили металлическую бочку. Но от бочки до берега и судовых цистерн оставалось еще добрых два километра. Не носить же воду ведрами. Тогда собрали со всех судов пожарные шланги, соединили в одну — длинную, и из бочки по импровизированному водопроводу снабдили суда пресной водой.

И с углем из экономии пришлось устраиваться необычно.

Неморские суда не рассчитаны на большой запас угля. Им приходится работать большей частью вблизи угольных баз. Путешествие с караваном землечерпалки и подъемного крана позволило каравану иметь в пути запас угля в несколько сот тонн. Погрузка угля в иностранных портах обходится сравнительно дорого, и вот, чтобы не переплачивать за перегрузку, был установлен следующий способ. В море, когда стихала волна, к землечерпалке и крану, — угольным базам каравана, — по очереди подходили остальные суда и силами своих команд перегружали себе «чернослив», как называют моряки уголь.

Тепло и радушно приняли наших моряков в Норвегии. Но зато в Голландии, Франции, Испании и Африке пришлось каравану испытать ряд мытарств.

«Когда мы подходили к Роттердамскому каналу, — рассказывают моряки, — в Немецком море разыгрался шторм. На нашу беду, у входа в канал образовалась огромная очередь в 180 судов, ожидавших лоцманов. Нам пришлось простоять на якоре в течение всей бурной ночи. Очередь образовалась из-за того, что все суда, плававшие в Немецком море, заходили за углем в Роттердам, так как в это время в Англии бастовали горняки.

«Три недели нам пришлось провести в Голландии, пока мы не получили нужной нам порции угля. Тогда мы уже начали торопиться, — надо было пройти Бискай и Атлантику до начала осенних штормов.

«В Шербурге нас ждал новый ряд приключений. Перед входом в гавань при отдаче буксира столкнулись два наших судна. Французы шесть суток не пускали суда в порт с внешнего рейда. Нужно было особое разрешение из Парижа, чтобы получить право отпустить команду на берег и отремонтировать суда. Зато во время стоянки в Шербурге мы смогли взглянуть на гигантов трансатлантических линий — «Мажестик», «Олимпик» и др. С бурного Бискайя приходили нерадостные вести, — в гавань Шербурга входили суда, потрепанные штормом, без мачт, с поломанными трубами, с недостатком в людях, смываемых волнами за борт.

«Когда же мы вышли в Ламанш, то тут произошла радостная встреча. При

полном безветрии мы увидели красивый пятимачтовый, жадно ловивший своими парусами хоть какой-нибудь ветер. Радио сообщило нам, что это — наш «Товарищ». Целый день мы шли параллельным курсом, сообщаясь по радио, пока покрепчавший ветер не скрыл «Товарища» за океанскими волнами.

«В Испании нас не пустили на берег, так как там только что произошел военный переворот. В Ороне (порт Алжира) нас также не пустили на берег, — «русская зараза» внушала страх местным властям. И только через несколько не-

дель, в течение которых мы не могли вступить на твердую землю, нас приняла Италия у подножия вулкана Этны. Незначительные размеры судов заставляли вновь отстаиваться, выжидая прохода циклона с Ионического моря.

«Жаркий сирокко (ветер, дующий с африканских пустынь) провожал нас по пути в Грецию. Этот ветер, несмотря на ноябрь, сделал на несколько дней нашу жизнь сущей баней. Но вдали уже маячили острова Архипелага, а за ними Дарданеллы и Черное море, с конечным пунктом нашего похода, — Одессой».

В ЗАОБЛАЧНОЙ ВЫСИ

Эпизод из жизни Д. И. Менделеева

(По поводу 20-летия со дня его смерти).

20 января т. г. исполнилось 20 лет со дня смерти знаменитого химика Дмитрия Ивановича Менделеева. Менделеев был выдающимся человеком. Выросши в бедности и сам пробив себе дорогу, он своими работами по химии, главным образом, открытием так называемого «периодического закона элементов», завоевал себе мировую славу, поставив этим открытием химию и смежные с ней науки на верную и широкую дорогу к дальнейшему их развитию.

Но, помимо теоретической химии, Д. И. работал много и в области химии прикладной, применяя ее к практической жизни, и в области других наук. Он был убежден, что наука, в союзе

с техникой, может поднять благосостояние трудящихся масс.

Специальные научные журналы уже отметили годовщину смерти Д. И. и посвятили его работам и значению их для жизни СССР исчерпывающие статьи. Мы же на страницах нашего журнала хотим познакомить читателей с одним малоизвестным эпизодом из жизни Д. И. Менделеева, — его полетом на воздушном шаре, в августе 1887 г., во время солнечного затмения.

Этот полет, совершенный Д. И. сорок лет назад, рисует нам Д. И. Менделеева как человека бесстрашного и смелого, с твердой волей, не колеблющегося ради науки рисковать даже своей жизнью.

Было раннее утро 7 августа 1887 г. Но, несмотря на ранний час, тихий городок Клин не спал, и все жители были уже на ногах. 7 августа, утром, астрономы «назначили» полное затмение солнца.

Однако, любопытство клинских жителей привлекало не столько само солнечное затмение, как то, что в момент

затмения из Клина должен был подняться воздушный шар. Шар был привезен специально из Петербурга, и теперь, наполненный газом, мирно покачивался на привязи.

На шаре предполагался полет знаменитого ученого — Д. И. Менделеева. В 6 ч. утра на площади показалась плотная фигура Дмитрия Ивановича в сопровождении сына. В это время около шара уже суеился аэронавт Кованько, который должен был лететь вместе с Менделеевым. До подема оставалось несколько минут.

Кованько и Менделеев влезли в корзину, привязанную к шару, и отдали распоряжение отпустить веревки, сдерживавшие шар, — шар вздрогнул, корзина несколько сдвинулась с места, но не поднялась в воздух.

— А ведь нас двоих шар не поднимет, — с досадой воскликнул Кованько, обращаясь к Менделееву. — Что делать?

— Придется мне лететь одному, — ответил Менделеев.

— То-есть, как, Дмитрий Иванович, ведь вы никогда не летали, не умеете обращаться с шаром?!

— Ну так что же, попробую, — хладнокровно ответил Дмитрий Иванович.

Кованько быстро выскочил из корзины, и Менделеев остался один. Все веревки, сдерживавшие шар, отвязали, и шар стал плавно подниматься.

— До свидания! — раздались крики.

— До свидания! — откликнулся Менделеев.

Через две-три минуты шар был уже под облаками. Кованько не успел даже дать ученому некоторые советы: часы показывали уже 6 ч. 38 м. утра, а в 6 ч. 40 м. начиналось затмение.

Д. И. Менделеев в своей лаборатории.

Аэронавт очутился над воздушной бездной. Одно неверное движение — и он мог бы упасть в эту бездну.

нейший подъем был уже опасен. Оболочка шара под влиянием уменьшенного давления воздуха могла лопнуть, и полет грозил окончиться катастрофой.

Менделеев протянул руку к веревке от клапана, потянул ее, но, к своему ужасу, увидел, что веревка захлестнулась петлей и клапан не действует.

Между тем, шар продолжал подниматься все выше и выше. Медлить дальше было нельзя. Одинокий пилот решился на отчаянный шаг. Он полез вверх по веревкам, поддерживавшим корзину, намереваясь подняться до самого шара и разрезать оболочку, чтобы выпустить газ.

Цепляясь за веревки, Менделеев повис в воздухе. Но от тяжести его грузного тела корзина несколько накренилась, и аэронавт очутился над воздушной бездной. Одно неверное движение — и он мог бы упасть в эту бездну. Чувствуя всю опасность своего положения, Менделеев инстинктивно вновь схватился за веревку от клапана и повис на ней всем телом, чтобы уравновесить корзину. К счастью для пилота, веревка оказалась достаточно прочной. Когда Менделеев повис на ней, петля распустилась, клапан открылся, и газ с легким шипением стал выходить из шара. Шар начал опускаться. Менделеев понял, что он спасен.

Перебираясь по веревочным узлам, ученый спустился в корзину. Посмотрел на часы. Было 8 ч. 20 м. «Только тут, — вспоминает Менделеев, — я почувствовал сильную физическую усталость. Решил сесть и отдохнуть. Сел на последний мешок с песком и сильно обрадовался, увидев около мешка булку и бутылку с чаем. Чай оказался еще теплым. Это незаметным образом положили друзья перед подъемом».

Отдохнув несколько минут, Менделеев снова приоткрыл клапан. Шар стал падать быстрее. Он находился среди облаков, которые окружали его со всех сторон. Менделеев стал обдумывать спуск.

Спуск аэростата едва ли не труднее и опаснее, чем самый подъем. Необходимо, прежде всего, выбрать для спуска подходящее место, по возможности ровное поле или луг. Затем нужно снизиться так, чтобы удар корзины о землю был как можно слабее: в корзине находятся хрупкие приборы — термометры, барограф и другие, отмечающие высоту, температуру и скорость полета.

луны стал сползать вбок, и через полчаса солнце засверкало полным светом. Небо осветилось, и на облаках заиграли лучи солнца.

Только теперь Дмитрий Иванович пришел в себя от охватившего его чувства восторга перед величием картины, и только теперь ему в голову пришла мысль, что нужно снижаться, так как даль-

В данном случае обстоятельства дела усложнялись тем, что земля была скрыта облаками. Шар находился на высоте 2 км. Ветер быстро гнал его на северо-запад. Вот в разрыве облаков внизу показалась земля. Она быстро приближалась. Вот уже отчетливо видны квадратики полей и пашен... Зеленоватые полосы озимых всходов чередуются с желтеющими полосами сжатой ржи...

С земли доносились крики и лай собак. Шар несся над большим лесом. Вдали мелькала стальная полоса большой реки. Повидимому, это была Волга.

Шар опускался со скоростью двух метров в секунду. Теперь внизу были ясно видны даже деревья и фигуры людей.

— Эй, куды летишь?!.. — донеслось до слуха Менделеева.

— Далеко ли до Клина?!.. — попросил, было, вступить в разговор ученый.

— Чаво тебе?!.. — донесся снизу голос.

Быстро подгоняемый ветром, шар продолжал лететь. Деревни мелькали одна за другой. До земли оставалось не более 600 метров. Видно было, как мужики и бабы задирали головы, а некоторые пробовали бежать за шаром.

— Слезай с пузыря-то, иди к нам рыбу есть! — донесся крик.

В 9 ч. 10 м. шар миновал еще одно село. За селом шел большой луг. На этом лугу Менделеев и решил снизиться. Он видел, как из села бежал народ. Впереди всех по лугу быстро бежал молодой парень.

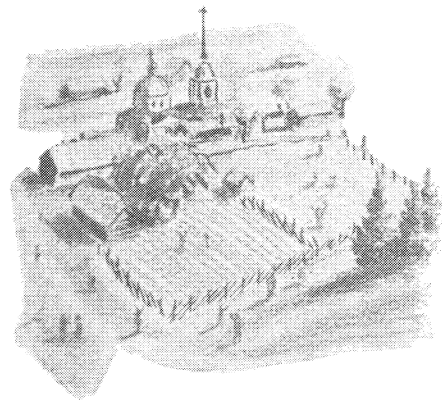
— Держи веревку и замотай ее за деревом! — крикнул Менделеев парню и сбросил вниз гайдроп.

Парень поймал конец гайдропа, но шар потащил его за собой, и парень, смешно подпрыгивая по лугу, побежал за шаром. Одно мгновение шар поднял его даже на воздух. Менделеев опять приоткрыл клапан. Шар сразу приземлился. Парень добежал до стоявшего около дороги дерева и замотал гайдроп. Шар остановился и постепенно стал опускаться на землю.

Еще несколько секунд — и дно корзины коснулось земли. Корзина подскочила на несколько метров вверх, затем снова потащилась по земле и легла вместе с шаром боком на землю.

Менделеев, потеряв равновесие, упал, но сейчас же встал и вылез из корзины. Кругом шара стояла большая толпа крестьян.

— Что я тебе, дурья голова, говорил, — горячо кричал один молодой крестьянин другому. — Говорил тебе я, что летит по небу комета, а на комете

...Внизу были ясно видны даже деревья и фигуры людей.

Сотни глаз устремились вверх, но все они смотрели не на солнце, закрывавшееся темным диском луны, а на исчезающий в облаках темный силуэт шара с одиноким пассажиром.

Между тем, пассажир этот, невозмутимо наклонившись над бортом корзины, смотрел на уходившую от него землю. Вот он уже перестал различать отдельных людей, через несколько минут густое облако скрыло от него Клин и его окрестности. С земли перестал доноситься говор людей. Наступила полнейшая тишина. Нельзя было даже узнать, был ли в воздухе ветер, так как шар летел вместе с ветром. Барограф показывал высоту 3½ км.

Прорезав полосу облаков, шар летел теперь по чистому воздушному пространству, но вверху над ним плыли большие кучевые облака и закрывали солнце. Надвигалась тьма. Менделеев решил подняться еще выше, чтобы выбраться из кучевых облаков. Он выбросил мешок с песком, и облегченный шар еще быстрее понесся вверх. Через несколько секунд барограф отметил высоту 4 км.

Теперь перед наблюдателем расстилался безбрежный воздушный океан. Внизу была сплошная пелена облаков, а вверху — темное небо. На востоке виднелось потухавшее солнце.

Скоро черный диск луны совершенно закрыл солнце, и от него остался только узкий светлый серп. Так длилось несколько мгновений. Но вот темный круг

сидит человек, а ты мне не верил. Теперь веришь? Вот — комета, а вот — человек!

Менделеев поздоровался и спросил, где он спустился.

— Спас-Угол село, Калязинского уезда, Тверской губернии, — слышались голоса.

В это время через толпу торопливо пробирался мужик с большой рыжей бородой. На груди у него была медная бляха. Это был сельский староста. Он строго спросил Менделеева:

— Ты кто такой? По какому случаю летаешь по небу на пузыре?

Ученый объяснил старосте, кто он, и просил его оберегать шар и не курить

вблизи, так как шар может взорваться, а он — добро казенное.

Староста несколько сбавил тон, начал разгонять ребятишек и уже почти приветливо сказал:

— Ну, иди на село, там отдохнешь. А за пузырем твоим посмотрим. Прибережем, коли добро казенное. Ну, да и за тобой тоже присмотрим, и тебя обережем, — добавил староста, хитро подмигивая окружавшей толпе.

В тот же день Менделеев уехал на лошадях в Клин. Шар спустился в 120 км. от Клина, в глухом углу Тверской губернии. Полет продолжался около четырех часов.

Н. Л.

Над черной бездной

Геофизический рассказ-загадка А. Беляева

Я гостил у профессора Вагнера, на его одинокой даче в окрестностях Симеиза. Беседуя с профессором, я узнал как-то, что он занят сейчас какими-то таинственными опытами. Что это были за опыты — он не говорил, отделяясь только намеками.

Однажды утром, поднимаясь с кровати, я почувствовал какую-то особую легкость во всем теле. Что за странность?

Чтобы проверить себя, я поднял стул. Он показался мне очень легким. Нет сомнения, вещи потеряли свой вес. Я вышел на веранду и уселся, с книгой в руках. На книгу падала тень от столба. Невольно обратил я внимание на то, что тень передвигается довольно быстро. Странно! Как будто солнце стало двигаться быстрее по небу.

— Ага, вы заметили? — услышал я голос Вагнера, который наблюдал за мною.

Солнце в этот день зашло на два часа раньше обычного.

— Представляю какой переполох произвело это событие во всем мире! — сказал я на другой день профессору. — Интересно было бы знать...

— Можете узнать об этом в моем кабинете, там стоит радиоприемник, — ответил Вагнер.

Я поспешил в кабинет и убедился в том, что население всего земного шара находится в необычайном волнении. Но это было только начало.

Несколько дней спустя, сутки равнялись уже всего четырем часам.

— Теперь все тела, находящиеся на экваторе, потеряли в весе весьма значительную часть, — сказал Вагнер.

— Почему же именно на экваторе?

— Догадайтесь, — ответил Вагнер.

Облегчение веса приносило выгоду: поезда могли поднимать огромные грузы. Слабосильного мотоциклетного мотора было достаточно, чтобы везти большой пассажирский аэроплан. Скорость движения увеличилась. Люди вдруг стали легче и сильнее. Я сам испытывал эту все увеличивающуюся легкость. Изумительно приятное чувство!

Однако, радио скоро стало приносить и более печальные вести. Поезда все чаще стали сходить с рельс на уклонах и закруглениях пути, — впрочем, без особенных катастроф: вагоны, даже падая под откос, не разбивались. Ветер,

поднимая тучи пыли, которая уже не опускалась на землю, — переходил в ураган. Отовсюду приходили вести о страшных наводнениях.

Как-то вечером я услышал по радио ужасную новость: в экваториальной Африке и Америке отмечалось несколько случаев, когда люди, лишенные тяжести, «падали вверх». Вскоре пришло и новое ужасающее известие: на экваторе люди стали задыхаться.

— Мы тоже задохнемся? — с волнением спросил я Вагнера.

Он пожал плечами.

— Мы хорошо подготовлены ко всем переменам.

— Неужели все это сделали вы? Ведь это же мировая катастрофа! — не мог удержаться я от восклицания.

У меня невольно стало появляться чувство недоброжелательства к Вагнеру. Моя неприязнь к нему увеличивалась по мере того, как мое собственное самочувствие все более ухудшалось. Да и было от чего! Эти ужасные, необычайные вести о гибнущем мире, это все ускоряющееся мелькание дня и ночи хоть кого выведут из себя. Я почти не спал и был чрезвычайно нервен. Я должен был двигаться с величайшей осторожностью. Малейшее усилие мускулов, — и я взлетал вверх и стучался головой о потолок. Вещи теряли свой вес, и с ними все труднее было сладить. Довольно было случайно задеть стол или кресло, и тяжелая мебель отлетала в сторону.

Вода из умывальника текла очень медленно, и струя отклонялась в сторону. Движения наши стали порывисты. Члены тела дергались, как у картонного паяца, приводимого в движение нитками. «Моторы» нашего тела — мускулы — оказались слишком сильными для облегченного веса тела. И мы никак не могли привыкнуть к этому новому положению, так как вес все время продолжал убывать.

На двор я решался выходить только набив карманы камнями, — чтобы «не упасть в небо». Я видел, как мелело море, — воду сгоняло на запад, где, вероятно, она заливала берега... В довершение всего, я стал чувствовать головокружение и удушье. Воздух становился все более разреженным. Ураганный ветер, дувший все время с востока, стал как будто слабеть... Но зато температура быстро понижалась.

У меня было такое отвратительное самочувствие, что я начал задумываться над тем, какую смерть мне избрать: упасть ли в небо, или умереть от недостатка воздуха.

— Нет, все-таки лучше покончить сразу, — решил я, наконец, испытывая тяжелое удушье, и стал вынимать камни из кармана, чтобы «упасть вверх».

Чья-то рука остановила меня.

— Подождите! — услышал я голос Вагнера. В разреженном воздухе этот голос звучал очень слабо. — Нам пора спуститься в подземелье!

Он взял меня под руку, кивнул головой экономке, которая стояла на веранде, тяжело дыша, и мы направились в угол двора, к большому круглому «окну» в земле. Я потерял волю и шел как во сне. Вагнер открыл тяжелую дверь, ведущую в подземную лабораторию, и втолкнул меня. Теряя сознание, я упал на каменный пол.

***

Не знаю, долго ли я был без сознания. Первым моим ощущением было, что я опять дышу свежим воздухом. Я открыл глаза и очень удивился, увидев электрическую лампочку, укрепленную посреди пола, недалеко от места, где я лежал.

— Не удивляйтесь, — услышал я голос Вагнера. — Наш пол скоро станет потолком. Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, лучше.

— Ну так вставайте, довольно лежать! — и он взял меня за руку. Я взлетел вверх, к стеклянному потолку, и очень медленно опустился вниз.

— Пойдемте, я познакомлю вас с моей подземной квартирой, — сказал Вагнер.

Все помещение состояло из трех комнат: двух темных, освещаемых только электрическими лампочками, и одной большой, со стеклянным потолком или полом, — я затрудняюсь сказать. Наши тела были совершенно невесомы.

Это чрезвычайно затрудняло наше путешествие по комнатам. Мы делали самые необычайные пируэты, цеплялись за мебель, отталкивались, прыгали, нлетали на столы, иногда беспомощно повисали в воздухе, протягивая друг другу руку. Всего несколько сантиметров отделяли нас друг от друга, но мы не могли преодолеть этого пространства, пока какой-нибудь хитроумный трюк не выводил нас из этого неустойчивого равновесия. Сдвинутые нами вещи летали вместе с нами. Стул «парил» среди комнаты, стаканы с водой лежали боком, и вода почти не выливалась, — она понемногу обтекала внешние стенки стекла...

Скоро, однако, мы опустились на... стеклянный потолок, который отныне должен был стать нашим полом. Вещей не нужно было перемещать: они переместились сами, и электрическая лампа, укрепленная у прежнего пола, как нельзя более кстати оказалась у нас над головой, освещая нашу комнату.

Переместившись на потолок, мы ходили по нему так же свободно, как по полу, хотя, в обычном смысле, мы ходили вниз — то-есть к земле — головой. Но человек ко всему привыкает. Я чувствовал себя относительно хорошо. Когда я смотрел «вниз», под ноги, сквозь толстое, но достаточно прозрачное стекло, я видел под собою небо, и мне казалось, что я стою на круглом зеркале, отражавшем в себе облака.

Однако, «зеркало» отражало в себе иногда необычайные и страшные вещи...

Экономка заявила, что ей нужно сходиться в дом, так как она забыла масло. — Как же вы пойдете, — сказал я ей, — ведь вы свалитесь вниз... то-есть вверх... фу, чорт, все перепуталось!

— Я буду держаться за скобы в земле, меня профессор выучил. Когда мы еще не повернулись вниз головой, у нас были скобы в том доме, в потолке, и я училась «ходить руками», — хваталась за них и ходила по потолку.

Профессор Вагнер все предусмотрел! Я не ожидал такого героизма от женщины. Рисковать собой, «ходить руками» над бездной из-за какого-то масла!

— Но все же это очень опасно, — сказал я.

— Не так, как вы думаете, — возразил профессор Вагнер — При том, я буду сопровождать ее, — кстати мне нужно захватить из дома записную книжку, — я забыл взять ее с собой.

— Но ведь снаружи сейчас нет воздуха?

— У меня есть колпаки со сжатым воздухом, которые мы наденем на голову.

И эти странные люди, облачившись в скафандры, будто они собирались опуститься на дно моря, отправились в путь. Двойная дверь захлопнулась. Я услышал стук наружной двери.

Лежа на своем стеклянном полу, я прижал лицо к толстому стеклу и с волнением стал следить за ними. Два человека, в круглых колпаках, стоя вверх ногами и цепляясь за скобы, прикрепленные к земле, быстро «шли руками» к дому. Можно ли представить себе что-либо более странное!

«Действительно, это не так страшно, — подумал я. — Но все же это необычайная женщина. Вдруг у нее закружится голова?... Вагнер и экономка проследовали, в той же позе, по ступеням на веранду и скрылись из виду.

Скоро они появились обратно.

Они уже прошли полпути, как вдруг случилось нечто, от чего я похолодел. Экономка выронила коробку с маслом, хотела поймать ее, но рука ее сорвалась, и женщина полетела в бездну...

Я видел, как несчастная отчаянно взмахнула руками... ее тело быстро уменьшалось... Наступившая ночь, как занавесом, закрыла эту картину гибели...

Я был так занят своими мыслями, что не заметил, как вошел Вагнер и опустился рядом со мной.

— Прекрасная смерть! — сказал он спокойно.

Я сжал зубы и не отвечал ему. Во мне вдруг опять пробудилась ненависть к Вагнеру.

Я с ужасом смотрел в бездну, растилающуюся под моими ногами, и впервые с необычайной ясностью понял, что небо — не голубое пространство, а черная бездна... что мы «живем в небе», прилепившись к пылинке — земле, и нас с большим правом, поэтому, можно назвать жителями неба, — чем жителями земли.

Я думал, а перед моими глазами творилось что-то необычайное... От земли отрывались камни и падали вверх...

Скоро стали отрываться целые глыбы скал... День и ночь сменялись все быстрее... Солнце проносило по все более темневшей бездне — небу, и наступала ночь, звезды неслись с той же бешеной скоростью, и вновь мелькало солнце, и опять надвигалась ночь...

Я вижу, что скоро конец... Но люди еще есть на земле... Я слышу, как говорит небольшой громкоговоритель нашей радиостанции...

Земля опустошена почти до полюсов. Все гибнет... Это последняя уцелевшая радиостанция на острове Врангеля. Она подает сигналы, ждет, и не получает ответа... Радиоволны летят в мертвую пустоту... Молчит земля, молчит и небо.

Дни и ночи так быстро сменяют друг друга, что все сливается во мглу... Солнце, пролетая по небу, чертит огненную полосу на темном фоне...

Я чувствую, как толстые стекла нашего стеклянного пола напружились, становятся выпуклыми, дрожат... Скоро они не выдержат, лопнут, и я провалюсь в бездну...

Я с трудом поднимаюсь, тело точно наполнено свинцом. Я тяжело дышу...

— Зачем вы сделали все это? — обратился я со злобой к Вагнеру. — Вы погубили человечество, вы уничтожили жизнь на земле... Что вы сделали? Отвечайте мне, иначе я...

— Я не могу ничего поделать... — глухо ответил Вагнер, — очевидно, я допустил ошибку в расчетах.

— Так вы заплатите за эту ошибку! — вскричал я, и, совершенно обезумев, собрав все силы, бросился на Вагнера и начал его душить... В этот же момент я почувствовал, как трещит наш пол, ломаются стекла, и я, не выпуская Вагнера, лечу с ним в бездну...

Редакция предлагает читателям, руководствуясь фактическими данными рассказа, ответить на следующие вопросы:

1. Что могло вызвать уменьшение веса?
2. Почему дни становились все короче?
3. Почему это уменьшение веса началось прежде всего на экваторе?
4. Почему люди стали задыхаться?
5. Почему мелело море?
6. Почему понижалась температура?
7. Почему переместились «верх» и «низ»?
8. Почему небо стало черным?
9. Почему вес сначала уменьшался, а потом стал возрастать?
10. Почему вода не выливалась, а обтекала поверхность стакана?

Ответ на эти вопросы будет помещен в № 3 «Вокруг Света».

Что это за мир?

(Ответ на рассказ-загадку, помещенный в № 1 „Вокруг Света“)

1. «Загадочный мир» находился на Земле, — на ровном пустынном месте.
2. Он имел форму круга (слегка выпуклого, соответственно выпуклости Земли, — вернее, значит, «шарового сегмента»).
3. Размеры круга были — около 150 км. в диаметре (аэроплан вылетел за 75 км. от обитателей круга).
4. Находясь на земле, круг принимал участие в ее движениях — суточном и вокруг солнца, но, кроме того, имел собственное движение вокруг своей оси; круг вращался (против часовой стрелки) со скоростью одного оборота в час.
5. Этим самостоятельным вращением мира-круга и объясняется то, что солнце в течение дня, а звезды в течение ночи совершали на небе несколько кругов.
6. По этой же причине прямая линия полета аэроплана через круг казалась обитателям круга кривой (см. рисунки).
7. Люди находились в центре или около него, так как, если бы они были у его края, то их беспокоила бы сильная буря (каждая точка окружности мира-круга двигалась со скоростью более 450 км. в час); на то, что люди были у центра, указывает и ряд др. подробностей в рассказе.

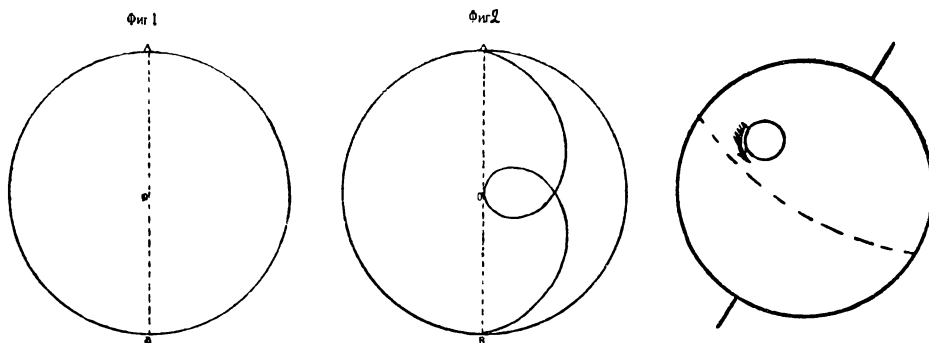

Рис. 1 — линия полета аэроплана с точки зрения пилота. Рис. 2 — линия полета аэроплана с точки зрения обитателей «загадочного мира» (эта кривая представляет собою две симметричные ветви двух спиралей, исходящих из одной точки — центра круга; каждый из этих двух отрезков является началом так называемых «архимедовых спиралей»). Рис. справа (присланный М. Е. Набоковым) схематически изображает положение «загадочного мира» на поверхности земного шара и его движение.

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ УЧЕН. НАБЛЮДАТ. МОСК. ОБСЕРВАТОРИИ М. Е. НАБОКОВА.

«... Ваш космографический рассказ в № 1 «Вокруг Света» меня заинтересовал, и я думаю, что загадка может быть объяснена следующим образом: в той же пустыне, где были захвачены путники, искусственно устроено так, что часть земной поверхности как бы вырезана в виде круга и вращается против

движения Солнца со скоростью одного оборота в час, а путешественники находятся в центре этого круга. Таким предположением вполне объясняется поведение Солнца, Луны, звезд и аэроплана. Дело было, конечно, близ тропиков, так как только там Солнце доходит до зенита...»

СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ РАЗНЫХ НАРОДОВ

ЛЮБИМЫЙ СПОРТ ИНДЕЙЦЕВ-АПАХОВ.

Из записок французского путешественника Клода Альбарэ.

В северо-западной части Мексики и посейчас существует индейское племя апахов, когда-то описанное Фенимором Купером и Майн-Ридом. Это племя хотя наружно и примирилось с «белолицыми» завоевателями, но отдельные группы заставших в неприступных горах апахов еще и сейчас не прочь вступить в борьбу со своими вековыми врагами. Все они — искусные наездники, отличаются необычайной гибкостью тела и ловкостью движений. Любимейшим занятием их в свободное от охоты время, является увлекательная игра в обруч.

Французу Клоду Альбарэ, наблюдавшему жизнь апахов на обширной территории Сан-Карлос, было легко убедиться, что это племя пользуется для игр обручем, приблизительно, двадцатью различными способами.

Один из них, наиболее живописный, Альбарэ и описывает в своих путевых записках:

...На тщательно выравненной и выметенной площадке, размером свыше 100 квадратных метров, собрались, образуя кольцо, апахи. Игроки, — два человека лет по сорока, с густыми падающими на плечи волосами, — держали каждый по длинному гибкому шесту длиной в несколько метров, при чем эти шесты были очищены от коры.

Мальчуган поставил перед игроками

деревянный обруч, правильной круглой формы, с гладко полированной поверхностью и достаточно широкий для того, чтобы, стоя, держаться на земле. Диаметр обруча равнялся приблизительно 40 см., а ширина обода 20—25 см.

Для того, чтобы сделать обруч более тяжелым, а, следовательно, более устойчивым, и обеспечить более ровный ход его, к нему с внутренней стороны были прикреплены кусочки железа, небольшие слитки свинца и довольно крупные валуны.

Прикосновением своей жерди, первый игрок привел обруч в движение; не успел обруч прокатиться и шести шагов, как противник сделал первую попытку остановить его своим шестом. Но гибкость шеста делала эту задачу очень и очень нелегкой. Дело в том, что по правилам игры требовалось не только остановить движущийся обруч, но и вернуть его обратно.

В первый раз игрок потерпел неудачу. Обруч упал, и один из присутствовавших немедленно бросил в сделанную из тыквы бутылку зернышко кукурузы, отмечая этим, что противник имеет одно очко в свою пользу. Но вскоре неудачник отыгрался. Три раза под ряд он своим шестом, изгибавшимся во все стороны, ухитрился не только остановить обруч, но и вернуть его обратно.

По окончании партии, длившейся не менее двадцати минут, с игравших ручьями струился пот, а вогнать в пот апахов, привычного ко всякого рода усилиям, не так-то легко...

На той же самой территории Сан-Карлос Клоду Альбарэ удалось присутствовать при целом ряде спортивных игр, в которых очень большую роль играл все тот же обруч.

Особенно интересна была игра, где обруч был заменен диском, жернее, где пользовались тоже обручем, но только затянутым толстой кожей, при чем только в самой середине было сделано отверстие величиной с полтинник.

На этот раз все апахи собрались на покатою площадке, устроенной с таким наклоном, чтобы диск, предоставленный самому себе, катился вниз. Один из апахов толкнул этот диск, который и покатился со все возрастающей быстротой.

Восемь апахов, выстроившихся вдоль площадки еще до начала игры и вооруженных длинными шестами, должны были остановить диск, понав концом шеста в быстро мелькавшее небольшое отверстие в его середине.

Этой игрой апахи занимаются очень часто, и тем не менее игроки делали много промахов. Иные просто не попадали в отверстие, и диск проносился мимо них, другие, понав правильно, не успевали вонзить конец шеста достаточно глубоко для того, чтобы остановить бег диска. Всего чаще неудача заключалась в том, что игроки опрокидывали свою мишень, и в таких случаях судьи лишали их права участвовать в игре.

Этот род игры был, конечно, гораздо более трудным, но зато и более увлекательным, чем первый.

Во время игры все апахи были почти раздеты для того, чтобы ничто не стесняло свободы их движений, и было необычайно приятно видеть, как бронзовые атлеты, красиво сложенные, с напряженными мышцами, стоя неподвижно, старались уловить единственно пригодную для удара долю секунды, или бились над непослушным диском, не желавшим пускаться в обратный путь.

Лучшим игроком в этих нелегких и требующих большого напряжения играх был 70-летний индеец, который, несмотря на свой возраст, не только ни в чем не уступал «мальчуганам», но даже превосходил их ловкостью.

СОКРОВИЩА ЛЕДЯНОЙ ПЕЩЕРЫ

Кунгурская ледяная пещера на Урале — настоящее чудо природы. Общее протяжение ее превышает 30 км. Цепь ее гротов с узкими переходами-коридорами образовалась в отдаленнейшие геологические времена.

Существует предположение, что здесь когда-то протекала большая подземная река, проложившая себе путь в гипсах и известняках, относящихся к так называемой пермской формации.

Среди бесчисленных гротов, особенно красивы ледяные: «бриллиантовый», «полярный» и др.

По предположениям ученых, вечный лед, покрывающий гроты пластами громадной толщины, относится ко времени великого оледенения, охватывавшего ко-

гда-то не только всю северную половину СССР, но и северную и среднюю Европу.

Узкий вход в пещеру сразу же ведет в небольшой, округлой формы, грот, за которым уже теряется дневной свет. Стены покрыты снеговыми кристаллами, отливающими при свете факелов разноцветными огнями. На расстоянии около километра от входа расположено озеро длиной в 40 метров при глубине в 7 метров. Вода в озере — кристальной чистоты.

В окрестностях пещеры, на берегах реки Сылвы, найдены недавно исключительные археологические ценности: серебряное блюдо времен персидского царя Кира (III века до нашей эры), сере-

бряные кубки персидской работы и ряд аналогичных предметов.

Интересны обстоятельства, при которых было найдено одно из этих сокровищ. Однажды крестьянский мальчик из деревни Стрелки, ловивший рыбу в реке, вблизи пещеры, заметил в трещине берегового обрыва какой-то блестящий предмет. Этот предмет оказался старинным серебряным блюдом. Мальчик принес его домой, и блюдо было пущено в ход, как посуда для кормления кур. Только потом, очистив блюдо и заметив на нем остатки позолоты, отец мальчика отвез блюдо в Кунгур и продал его в музей.

Тонкая художественная работа блюда и надписи, имевшиеся на нем, обратили на себя внимание. Извещенный о ценной находке Эрмитаж командировал в Кунгур своего сотрудника, тов. Матусева, который и доставил в Ленинград это сокровище, относящееся к временам царя Соломона.

Другая археологическая находка такой же большой ценности, — серебряное блюдо времен царя Кира, — была обнаружена при следующих обстоятельствах. Пахавший в окрестностях пещеры крестьянин привязал лошадь покормиться и ушел. Тем временем лошадь, очевидно, отбиваясь от мух и оводов, ударом ноги откопала это серебряное блюдо, пробило его частично копытом. В таком виде блюдо это и было отправлено в Эрмитаж.

Предполагается, что эти вещи были занесены на Урал скифами.

Над входом в пещеру обнаружены военные укрепления, выстроенные Ермаком во время его похода на Сибирь. Здесь при раскопках было найдено любопытное старинное медное копыце.

Главнаука возбуждает ходатайство перед НКП о предоставлении особых льгот экскурсантам, посещающим пещеру.

К поездкам, идущим от Перми на Свердловск, будет прицепляться специальный пассажирский вагон для экскурсантов, едущих до станции Кунгур (находящейся на расстоянии одной версты от пещеры). Здесь этот вагон будет отцепляться от поезда. Проезд от Москвы до ст. Кунгур длится около двух суток. Таким образом, туристы, желающие осмотреть пещеру, могут проделать поездку в оба конца в течение меньше недели. Стоимость льготного экскурсионного билета (50% скидки) до ст. Кунгур — 12 руб.

В. П.

УГОЛОК ФИЛАТЕЛИСТА

ЗООСАД В АЛЬБОМЕ.

Одними из интереснейших марок, едва ли не наиболее привлекающими к себе внимание филателистов, являются марки, отобразившие в себе фауну той или иной страны.

Собиратели этого рода марок, рассматривая их, знакомятся тем самым с животным миром всего земного шара; это — как бы зоологический сад в альбоме.

Инициатива выпуска марок с изображением представителей фауны своей страны принадлежит Западной Австралии; еще в 1854 году, появились ее марки с изображением дикого лебедя (рис. 1), птицы, вместе с другими австралийскими пернатыми (утками, гусями, эму, ибисами и пеликанами), носящейся несметными стадами и оживляющей болота внутри страны и морские берега.

Значительно позже (в 1912 г.), появились марки той же страны, изображающие кенгуру (рис. 2) — самое большое животное, принадлежащее к своеобразной породе сумчатых или двуутробных, которых на материке и в Тасмании¹⁾, водятся более 100 видов. Мясо кенгуру очень вкусно и питательно, а хвост является лакомым блюдом.

Примеру Австралии последовал ряд стран. Вслед за нею, в 1866 г., остров Нью-Фаундленд (старейшая в Новом Свете колония Англии на сев.-вост. бе-

регу Америки) выпустил марки с изображениями тюленя и рыбы; французская колония С.-Пьер и Микелен — небольшой остров, лежащий рядом с Нью-Фаундлендом, — имеет марки с изображением чайки.

Наиболее красочной серией марок, отразившей фауну страны, является, несомненно, серия марок Борнео, самого большого из островов Индийского архипелага. На марках Борнео (вып. 1892 — 93 г.г.) изображены: орангутан — туземное название — «миа» (рис. 3), крокодил, тапир, редкий по красоте оперения павлин (рис. 4).

Изображение жираффы — самого высокого из млекопитающих, благодаря чрезвычайно длинной шее и высоким ногам, — видим на марках Ниассы, португальской колонии в Африке (рис. 5).

Одна из марок Либерии, негритянской республики на Перечном берегу Верхней Гвинеи, вышла в 1921 году с изображением змеи (рис. 6); несколько позже та же республика выпустила красочную серию марок, из которых отметим марки с изображением крокодила (рис. 7), антилопы, стада которых бродят в плодот-

родной горной части страны (рис. 8), тукана — одной из многих разнообразнейших лазящей птицы-перцеяда, водящейся также в Южной и Центральной Америке и Мексике (рис. 9).

Слона, незаменимого работника при перевозке тяжестей в колониальных странах, — находим на марках той же Либерии (рис. 10) и Сирмура, индийского княжества, находящегося под английским влиянием.

Интересно отметить, что в рисунки многих либерийских марок входит пятиконечная звезда (рис. 6, 8, 9, 10).

Французское Конго (одна из африканских колоний Франции) на марках, выпущенных в период 1907 — 18 г.г., изображает тигра; в 1921 г., после Версальского договора, когда к Франции отошла часть германских владений в Африке, в том числе и Камерун, — марки эти получили надпечатку и этой страны.

Марки полуострова Малакки, самой южной части азиатского материка, омываемого Индийским океаном и Южно-Китайским морем, — дают нам изображение леопарда.

А. Чачиков.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

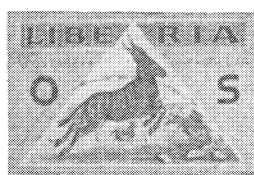

Рис. 8.

Рис. 9.

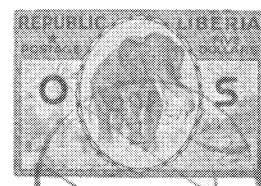

Рис. 10.

ВСЕМИРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

28 ЧАСОВ В ВОЛНАХ НА СПАСАТЕЛЬНОМ ПОЯСЕ.

В октябре 1926 г. у Бермудских островов во время урагана затонул пароход «Вэлириэн», при чем погибло 84 человека команды и пассажиров.

Один из кочегаров, Бон, успел во время схватиться за спасательный пояс и в течение 28 часов продержался на поверхности моря, несмотря на бушевавшие волны, пока не был подобран подоспевшим к месту кораблекрушения крейсером.

Кроме него, спаслось еще 18 человек, из числа 28, находившихся на спасательном плоту; остальные 10 были смыты волнами.

Б. В.

ПЕЧАЛЬНАЯ СУДЬБА ПЕРВОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ В ТИБЕТЕ.

В г. Лхассе (в Тибете), предполагалось построить первую электрическую станцию для освещения города. Но при решении этой задачи пришлось встретиться с чрезвычайно серьезными препятствиями. Оказалось, что, согласно законам страны, в этот священный город может проникнуть с необходимыми машинами и оборудованием, только уроженец Тибета. С этой целью один из родственников далай-ламы был командирован в Англию для обучения инженерному делу, после чего он и получил звание инженера. Под его руководством и должна была происходить установка всего необходимого оборудования. Этот инженер-тибетец находился также и во главе экспедиции, которая должна была доставить из Англии в Тибет все части для электростанции.

¹⁾ Остров, отделенный от Австралии Бассовым проливом; открыт 24 ноября 1642 г. отважным голландским моряком Тасманом, исследовавшим Австралию по приказанию нидерландско-остиндского правителя Ван-Димена. Тасман наткнулся на землю и, вовсе не подозревая, что это не Австралия, назвал этот остров Ван-Дименовой землей.

Погрузка необходимых для электростанции материалов и инвентаря на верблюдов и ослов была произведена осенью 1925 года. Путь в Тибет лежал через ущелья Гималайских гор. Задача доставки представлялась довольно серьезной, так как всего груза было около 300 тонн (около 18.000 пудов). Отсюда понятно, каких значительных размеров должна была достигнуть эта экспедиция. Но, к сожалению, дойти до места назначения экспедиции так и не удалось. В течение восьми месяцев не было никаких известий о ее судьбе, и только весной 1926 г. из Калькутты и Бомбея пришли сведения о том, что все участники экспедиции сделали жертвами невежества приверженцев нового далай-ламы. Он не пожелал заводить в «священном городе» никаких новшеств и... отдал приказ: «экспедицию полностью истребить, а все машины предать уничтожению»...

Я. Г.

КИТАЙСКАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА.

Как известно, китайский язык, даже после реформы его ¹⁾, отличается громадным количеством знаков. Отсюда понятно, насколько трудно изготовить пишущую машинку для китайского письма. Но в настоящее время эта трудность уже преодолена. Одна из американских фирм, «Ундервуд», изобрела такую машинку, при чем количество клавиш на ней значительно превышает количество клавиш обычных машинок. Если на английской машинке имеется всего около 48 клавиш, то на китайской — их насчитывается свыше 200.

Я. Г.

¹⁾ См. в № 7 журн. «Всемирный Следопыт» за 1926 г. очерк «Лики Китая».

Ответственный редактор В. Нарбут.

ЗАДАЧИ и ЗАГАДКИ

Приключение в Африке.

Один из спутников Стэнли, известного исследователя Африки, заблудился и попал в плен к туземцам.

Вождь племени заявил, что он будет отпущен лишь при условии уплаты выкупа в таком количестве золотых монет, которое бы при делении на 2 давало в остатке 1, при делении на 3 в остатке 2, при делении на 4 в остатке 3, при делении на 5 в остатке 4, при делении на 6 в остатке 5, при делении на 7 в остатке 6, и которое бы вообще не делилось ни на какое другое число.

По получении согласия на это, путешественник был отправлен под конвоем в лагерь Стэнли, который распорядился немедленно выдать требуемое количество монет, по получении которых пленник был отпущен на свободу. Сколько монет было выдано?

Обсчитали грузчиков!

Для выгрузки 2.400 ящиков машин, из коих половина были тяжеловесные, была нанята артель рабочих с платой по 40 коп. за 3 ящика легковесных или 2 ящика тяжеловесных.

Так как в день по техническим причинам более 200 ящиков выгрузить было нельзя, а артель не хотела ждать, получили денег до окончания выгрузки, было условлено платить артели ежедневно по 32 рубля, т.е. за каждые 5 ящиков по 80 коп., как было сговорено. Таким образом, за 12 дней было уплачено артели 384 рубля.

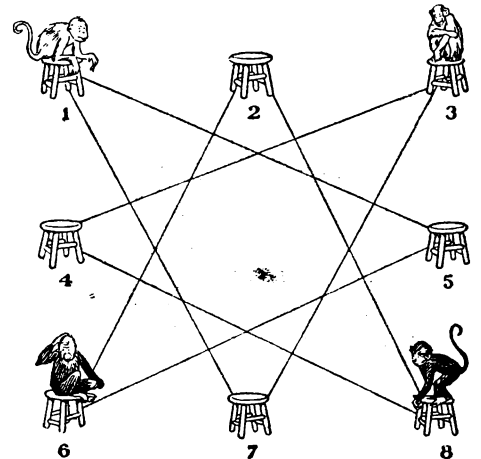
Когда грузчики стали рассчитываться между собой, выяснилось, что им следо-

вало получить за 1.200 ящиков тяжеловесных 240 руб. и 1.200 ящиков легковесных 160 р., всего 400 руб.

Куда девались 16 руб.?

ПРЫГАЮЩИЕ ОБЕЗЬЯНЫ.

На прилагаемом рисунке изображены четыре сидящие на табуретах обезьяны — две светлых и две темных. Задача состоит в том, чтобы заставить обезьян поменяться местами: обезьяны с табуретов первого и третьего должны очутиться на табуретах шестом и восьмом, а обезьяны с этих табуретов — на первом и третьем. Обезьяны могут двигаться по тем линиям, ведущим от одного табурета к другому, которые показаны на рисунке; но нельзя, чтобы на одном табурете одновременно находились две обезьяны: переезжать можно только на пустой табурет.

Для облегчения решения этой задачи рекомендуется взять серебряные монетки для светлых обезьян и медные для темных. Задачу эту можно решить множеством различных способов, но решившим ее правильно будет считать только тот, кому удастся закончить передвижение всех обезьян семью ходами (за ход обезьяна может сделать и несколько прыжков, лишь бы другие в это время не двигались).

Заведующий редакцией Вл. А. Попов.

Спрашивайте в киосках!

Цена номера — 50 коп.

Вышел в свет, разослан подписчикам и поступил в продажу № 2 «Всемирного Следопыта»:

В НОМЕРЕ:

Сверх-пища. Фантаст. рассказ. Фр. Уайта. — Уссурийский зверобой. Краеведч. рассказ. В. Арсеньева (оконч.). — Шхуна «Два Друга». — Рассказ. Г. Гайдовского. — Ущелье Большого Дракона. Колон. рассказ. В. Белоусова. — В стране кенгуру. Австрал. очерки. — Лесной человек. Рассказы об orang-утанах. — Мать Земли. Очерк. — Шахматы. — Заметки, задачи, загадки и мн. др.

Изд-во «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».

Вышел в свет, разослан подписчикам и поступил в продажу ВЫП 1. «Библиотеки Всемирного Следопыта» — «БОРЬБА С ХИМЕРАМИ», сборник фантастических рассказов.

Содержание сборника: «Мамонт Томаса Стивенса». Рассказ Дж. Лондона. «Чудовища Саргассов». Рассказ Е. Путкамера. «Долина пауков». Рассказ Г. Уэллса. «Носорог Марвина». Рассказ С. Блэка. «Аранья мексиканских болот». Рассказ М. Сейлора. «Клант-утан о-ва Борнео». Рассказ Г. Уэллса. «Крб Газенцио». Рассказ Ф. Марза.

Изд-во «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».

Спрашивайте в киосках!

Цена выпуска — 25 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1927 год на ежемесячный иллюстрированный журнал

ОХОТНИК

орган Всероссийского Промыслово-Кооперативного Союза Охотников.

Охотничий промысел, охотничье хозяйство, экономика охоты, охотничья кооперация, охотничье право, жизнь и нравы охотничьих зверей и птиц, пушное дело, собаководство, оружейная техника.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 5 руб., на полгода — 3 руб. За границу вдвое.

Допуск. расценка: при подписке — 3 руб., к 1 мая — 2 руб. Год. подписчики, по внесению ими всей год. платы, получают в виде беспл. премии на выбор одну из трех след. книг:

1) Н. М. СКВОРЦОВ. — «Основные вопросы промысловой кооперации охотников» (пушная кооперация). 2) Д. К. СОЛОВЬЕВ. — «Охота в СССР». 3) А. А. ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ. — «Медведь и медвежья охота». Под ред. и с предисл. С. А. Бутурлина.

Сверх сего, годовые подписчики пользуются бесплатной помощью профессора С. А. БУТУРЛИНА в выборе ружей. Журнал выходит в прежнем формате объемом в 5 печатных листов (40 страниц).

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, угол Никольской и Ветшного ряда, 4/5.

30 дней
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ежемесячник

художественный, литературно-общественный и научно-популярный ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ.

Вышел в свет № 2.

В номере новый роман Ильи Эренбурга.

„В ПРОТОЧНОМ ПЕРЕУЛКЕ“

В этом же номере: П. Смподвич. — Из воспоминаний; П. Шеголев. — Сановники за решеткой; М. Ильин. — В семнадцатом году; Л. Никулин. — Ночь на Мойке; К. Штергейм. — Пугачев Бузиков; Записки Шарля Луисетто; Т. Петерфи. — Микроп под ножом; Калиостро. — Палеологи, Бьюкенены и прочие; Полезные заметки; Витрина изобретений; Веселый Архив; Своё и чужое; Конкурс отзывов; Музыка и пение; Конкурс задач; Страница шахматиста; Дневник спортсмена; Юмор и сатира и мн. др.

Цена № в отд. прод. — 75 к. При каждом номере талон на право участия в большой книжной лотерее (500 книжных призов).

Усл. подп. на журн. «30 дней»

С 30 ПРИЛОЖЕНИЯМИ см. «Всемирн. Следоп.» № 2.